

ВЕДЬМА И ЗАКОН РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

ЕВГЕНИЯ ЧЕПЕНКО

18+

Евгения Чепенко
Ведьма и закон.
Рождение легенды
Серия «Маруся Козлова», книга 3

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56826728
SelfPub; 2020*

Аннотация

У Маруси по-прежнему есть метла, мудрая прабабушка, пыль и рыжая, кудрявая шевелюра. Но теперь у нее появился свой собственный личный бог, вчерашние коллеги стали верными друзьями, враги – соратниками, а приключения лишь набирают обороты. Заключительная книга трилогии.

История десятая.

Странный шеф. Очень странный шеф. Неприлично странный шеф!

Мифы у них тоже есть. Читал тут на досуге сказания про ангелов и великого их создателя Пятого Высшего, правда книжка для детей была, но мне Женя другую не дала. Сказала, чтоб не приставал, и что вот это изложение мне лично в самый раз сгодится. Она довольно часто поведением отца напоминает. Грубиянка.

Из личных записей Константина Ивченко.

– Ну и надолго мы в опале? – недовольно прорычал Иму. В зале ожидания телепорта путешественников было немного. Но те, кто был, предпочитали садиться подальше от разношерстной компании друзей, особенно от угрюмого слабого мага. Уж очень сильно его маниту сияло звериной злобой, что для мага ненормально.

– Мы не в опале, мы в отпуске, – невозмутимо поправил его Лик.

Иму стянул темные очки на нос и исподлобья оглядел друга.

– В отпуске – это когда с Помпушкой на золотой песок поваляться лежишь или в тур с экскурсиями, или в горы.

– С кем? – не поняла Маруся. Горица тоже оторвалась от

созерцания каталога нижнего белья, который им с Русей любезно предоставила в дорогу баба Беря.

– С Помпушкой, – Иму переключил внимание на сидящую напротив русалку. Глаза его загорелись азартом.

– Кто Помпушка?! – взвизгнула Горица. Кружева и размеры вмиг перестали ее интересовать.

– Ты, – обрадовался леопард возможности подраться.

– Я?! – Русалка вскочила с места. Выражение ее лица и сгустившийся в помещении туман ласки аниото не обещали.

– Булочка моя, – добил возлюбленную Иму и, счастливо мурча, рысцей помчался по залу. Галоп ему был не нужен, быстро бегать Горица все равно не умела.

– Они опять? – сквозь сон пробормотала Мосвен. Кошка удобно устроилась на коленях Клеомена и отсыпалась, наслаждаясь покоем и умиротворением.

Лик усмехнулся. Маруся поймала эту усмешку краем глаза и с еще большим энтузиазмом углубилась в глянцевые страницы. Спокойный и невозмутимый Лик продолжал относиться к ней, как к подчиненной, но и Рыжиком называть не перестал, даже при Ярославе. Двое суток минуло с того вечера, когда их вынесло к временному portalу Гаврилы, и с тех пор возможности побыть наедине у них еще не было. Зато теперь наверняка такая возможность появится, и Руся панически ее боялась. Что говорить? Как себя вести? Она даже не знала, чего хотеть. И чего хочет хотеть, тоже не знала.

– Иди сюда немедленно! – угрожающе прошипела русал-

ка, пробегая мимо.

Иму, смеясь, одним прыжком перемахнул через два ряда кресел, остановился и обернулся к Горице.

— Кровожадная моя...

— Ах ты, — снова взвилась Горица и окутала протого аниото ледяным туманом.

Клеомен беззвучно рассмеялся. Последние дни настроения ему ничто не могло испортить. Он прыгнул вслед за Мосвен, движимый отчаянным желанием спасти кошку любой ценой, пусть ценой собственной жизни. И он спас. Отдал всю энергию, что у него была, на защитный кокон из пламени, чтобы спасти ее от чудовищного излучения перехода, а затем и от приземления о твердую поверхность покрытой снегом скалы. Пожирющий тело обжигающий холод был последним, что запомнил Клеомен, прежде чем раствориться в потоках Вселенной.

"Остановись".

Ласковый шепот заставил его собраться воедино. Буквально выдернул из блаженного течения бесконечности, где он успел позабыть все.

"Разве оставишь ее?"

Женщина ли шепчет ему или мужчина, Клеомен понять не смог.

"Оставишь ее одну сейчас?"

И тогда Вселенная отдала воспоминания. Он вспомнил черные, как уголь, глаза, стройное, гибкое тело и непобеди-

мое до абсурда упрямство. Она осталась совсем одна в чужом враждебном мире. Ответ он дал собеседнику мгновенно.

– Еще раз умрешь – уволю! – Лик говорил тихо, из-за спин спасателей, но Клеомен расслышал каждое слово, несмотря на то, что только что вернулся в собственное тело.

– Где она?

– Рядом. Живая и невредимая.

Она спала. Просто спала. Таково было заключение медиков. А когда очнулась...

Черт улыбнулся. Он никогда не забудет это пробуждение.

– Ай-ай-ай, – нарочито испуганно запричитал аниото, отвлекая Клеомена от воспоминаний. – Только не подходи.

– Врешь! Нарочно хочешь, чтоб подошла, – обиделась Гор, – Сам же в угол забежал!

– Не-е-е, – протянул леопард и расплылся в самодовольной улыбке. – Иди сюда.

– Не пойду. – Русалка попятилась.

Иму перестал изображать жертву и хищно сверкнул глазами:

– Иди сюда! Кому сказал?

– Да не пойду я, – тихо пискнула Горица и бросилась наутек.

Салочки в зале ожидания возобновились. Правда, ненадолго. Минут пять леопард играл домашнего ленивого кота, а затем отбросил медлительность, поймал Горицу и бухнул-

ся с ней в обнимку на широкий подоконник.

– Сиди, – получила несчастная новую команду, а следом и долгий страстный поцелуй.

Лик перевел взгляд на Марусю, да так и остался сидеть. Она его внимание всем существом чувствовала. Странное это было внимание, точнее, ее собственная реакция была странной. Она и раньше мужчинам нравилась. Страстным, опасным, сексуальным мужчинам. Но никогда никто из них не заставлял ее ощущать себя настолько смущенной и, кажется, беспомощной. Руся поморщилась и перевернула страницу каталога. Непривычные чувства, пугающие и в то же время волнующие. В памяти, словно озарение, вспыхнуло старое наставление бабы Бери: "Быть женщиной, внуча, и ощущать себя женщиной – разные вещи". Руся осторожно выдохнула. Потрясение было слишком сильным.

– Журнал закончился, – раздался шепот шефа над самым ее ухом. Маруся взвизгнула и отшатнулась. Движение вышло слишком резким, и она едва не рухнула на Клеомена. Лик спас, придержал за талию.

– Ты чего? – не понял черт.

Руся отрицательно покачала головой и перевела испуганный взгляд с Клеомена на кошку.

– Спи, – скомандовал Эйдолон последней. – Не обращайтесь внимания.

Пораженная своим открытием, Маруся совершенно не заметила, как шеф подсел к ней, да еще настолько близко.

– О чем задумалась? – ласково улыбнулся Лик.

Руся оторопело уставилась на начальство. Еще несколько минут назад он ее среди группы только своим "Рыжик" и выделял, а теперь вдруг прижимает и смотрит насмешливо.

– Ну-у-у, – Руся неопределенно повела плечом, завороченно глядя в ярко-белые глаза.

Лик вздохнул, озадаченно нахмурился и отпустил ведьму. Ненадолго шеф вновь стал ее шефом, аккурат до нового вопроса.

– На тебя совсем ничьи чары не действуют?

– Не-ет, – протянула Маруся.

– Иными словами, ученик аптекаря, я тебе не нравлюсь. Так?

– Да нет. – Руся не помнила, когда последний раз была растеряна настолько. Лик выглядел искренне расстроенным.

– Да нет, не нравишься? Или да нет, нравишься?

– Нра-нравишься.

Его странная откровенная настойчивость совсем выбила Козлову из колеи.

– Как мужчина или как друг?

– Что?..

– Нравлюсь, как мужчина или как друг?

– Й...и...а, – на первом этапе это было все, что она вспомнила. Потом речь вернулась вместе с сообразительностью:

– А почему спрашиваете?

– Опять крайне вежливый тон? – недовольно пробормо-

тал Лик. – Спрашиваю, ученик аптекаря, потому что хочу тебя.

Вот тут способность мыслить вернулась к Марусе окончательно. Она наконец вспомнила, с кем говорит, и что о подобных созданиях учила когда-то.

Лик бог. Братия в плане романтических уз крайне странная. Во-первых, когда бог желает кого-то, он этого кого-то получает. Часто получает любой ценой. Во-вторых, боги не слишком разборчивы в объектах желания. А этот бог еще и хитер. Использует магию аптекарей, чтоб вести диалог наедине, без чужих ушей.

– Как же нимфа? – напомнила Руся.

– Обычное для богов помешательство, – равнодушно пожал плечами Лик. – Ты – другое. Подряд инстинкты не накрывают. Должен быть длительный перерыв. Я свой цикл знаю. Перерыва не было, так что не опасайся. У меня это насовсем.

Руся тихо икнула и снова на пару минут утратила способность ясно мыслить. Насовсем у богов – это действительно насовсем. То есть до самой смерти.

– Рыжик, я тебе два дня дал на раздумья. И дождался нерабочего времени. Видишь? – Он указал на часы в конце зала. – Так что? Ты позволяешь себя целовать мужчинам, которые тебе безразличны?

– Нет, не позволяю, – пришлось признать. А казалось, что не заметил.

– Хорошо, – улыбнулся донельзя довольный бог и подергал Марусю за рыжую прядь. – Вот и договорились.

– Договорились? – вмешался Иму. – До чего вы там договорились?

– Аптекарь, – откликнулся Эйдолон, вынудив аниото забыть об услышанном.

Руся тоже не очень поняла, до чего они договорились, и собралась было поинтересоваться, да не успела. Лик наклонился и поцеловал ее. Нежно, очень бережно. Не поцелуй даже – легкое прикосновение к губам. Но сколько эмоций это всколыхнуло в Русе! Она сама от себя не ожидала. Лик засмеялся, глядя на ее смятение.

– Ты так и не сказала "нет", поэтому договорились. Поняла?

Ведьма неуверенно кивнула.

– Рыжик, – нежно прошептал он и коснулся указательным пальцем кончика веснушчатого носа.

Она выглядела такой потрясенной, словно и не было между ними ничего, словно Лик ей в любви без причины признался.

– Не нравитсся, – злорадно прошипел ему в ухо Шут и тут же умолк, задушенный волей бога.

Руся прерывисто вздохнула. Она все еще заворуженно смотрела ему в глаза и не могла собраться с мыслями. Лик улыбнулся, глядя на приоткрытые губы и выующиеся медные пряди, спадающие на плечи. Она не сказала "нет". Конечно,

этого было мало, но для начала Лику хватило. Никогда еще он не нравился женщине сам по себе, без влияния маниту в его крови. Ни с какой другой женщиной он не чувствовал себя так, как с Марусей. И, тем более, ему еще ни разу не приходилось добиваться женщину. С Рыжиком все было незнакомо и впервые.

Она решила, будто его поступок импульсивен и напрямую связан с его божественной сущностью. Это легко читалось по ее мимике. Рассеянность Руси, ее невнимательность иного могли бы и расстроить. Лик снова наклонился и поцеловал все еще приоткрытые губы, только на этот раз он просил ответ, и она ответила. Неуверенно, больше подчиняясь его воле, нежели проявляя свое собственное стремление. Но и этого было достаточно, чтобы заставить Лика балансировать на грани потери самоконтроля. Медленно, осторожно он прервал поцелуй, поднялся и протянул руку Марусе.

– Что? – не поняла она.

– Пойдем. Наш коридор открыли.

Руся с удивлением оглянулась и обнаружила, что остальные члены группы уже покинули зал ожидания.

Ярослав стоял на балконе среди пышной зелени и наблюдал, как уходящий желтый карлик окрашивает город в многочисленные оттенки рыжего. Великолепная, завораживающая картина, она всегда успокаивала Атума. Покой – это именно то, что ему сейчас было так необходимо. Собраться

с мыслями, еще раз все просчитать и обдумать.

"4A5" больше не существовало. Он сам созвал руководство МУП и попросил о расформировании группы, а затем представил новый проект. То самое детище, к которому он стремился все эти годы, о котором знала только Женя. Ярослав не собирался переходить к реализации так рано, мера была вынужденная. Маруся, Костя, конфликт с Ехидной и мертвый ангел спровоцировали повышенный интерес к Ату-му и его подопечным не только внутри самой организации, но и вне нее. Пришлось приспосабливаться к обстоятельствам и идти на риск, принимая опасные условия сделки.

– Пап, – Женя приблизилась едва слышно, – не переживай. Они справятся с заданием.

Ярослав тяжело вздохнул:

– Я не чувствую ничего на этот счет. Откуда у тебя такая уверенность?

– Ты полагаешься на энергию Вселенной, а она своенравна. Я полагаюсь на конкретные сущности и свои знания о них. Они справятся.

– Как Зверобой?

– Ворчит на врачей, что здоров.

– Держи его пока подальше от Козловой. Или опять скажешь, что я права не имею вершить судьбы?

– Не скажу, – улыбнулась Женя и оперлась виском о плечо отца. – Она Эйдолона любит. Зверобой импульсивен, может помешать расследованию. Так что все разумно.

– Опять эта твоя уверенность.

Ярослав повернулся и поцеловал дочь в макушку. Только вчера, кажется, была крошечной малышкой, а сегодня уже взрослая девушка. Ее время текло слишком быстро – это угнетало. Человеческая жизнь – мгновение. И великий могущественный Атум не знал, как это мгновение продлить. Пока не знал. У его девочки слишком светлый разум и слишком светлая душа, чтобы позволить ей исчезнуть, покинуть его так скоро. Ярослав прикрыл глаза, стараясь удержать подступившие слезы.

– Ты опять расстраиваешься?

– Нет. – А еще она была весьма проницательна.

– Я же знаю.

– Всезнайка, – беззлобно прошептал Ярослав. – Ты, всезнайка, лучше скажи, каким таким образом уговорила старую ведьму Козлову тебе помочь? Она ж меня в гроб загнать мечтает.

Женя погладила отца по руке.

– Если я скажу, ты кричать начнешь и погоду в городе испортишь.

– Я? – поразился Ярослав.

– Ты.

– Говори. – Ярослав напрягся, отстранился от дочери и повернулся к ней лицом. Его черный бездонный взгляд мог напугать.

– Вот, смотри, – беспечно продолжила Женя, спокойно

глядя в черную бездну. – Я целовалась с Костей.

– Что?! – взвился Атум.

– Крик, теперь гром, теперь ливень, теперь смерч – и ты уложился в десять секунд...

Сразу за дверями станции телепорта гостей встретили ночь и густой холодный туман. Свет единственного фонаря едва пробивался сквозь белесую пелену. Маруся поежилась и огляделась. На расстоянии метра рассмотреть что-либо было просто невозможно.

– Как, говоришь, сей чудный курорт зовется? – съязвил Иму.

– Автыйтур, – равнодушно констатировал Лик.

Совсем близко кто-то пронзительно надрывно закричал. Руся вздрогнула и подвинулась к шефу поближе. Кто знает, что обитает в этом месте.

– Кошмар какой, – вздохнула Горица. – Так не пойдет. Шеф, можно я туман уберу?

– Действуй.

– Змий меня, раздери! – выкрикнул незнакомый мужской голос и тут же передразнил Лика. – "Действуй". Какая харизма! Суровый, закаленный в боях герой! Так и вижу классические ленты с их наивным очаровательным пафосом.

Болтун, наконец, приблизился, и его очертания стали видны сквозь туман. Невысокий, пухлый, коротконогий, с непропорционально большой головой. Руся поморщилась,

распознав в новом знакомом водяного.

– Ты кто? – огрызнулся Иму.

– Тварь Болотная. Добро пожаловать в резиденцию. Следуйте за мной.

Лик едва заметно кивнул и направился за водяным. Подчиненные нехотя побрели за шефом.

– Не знал, что Интерпол до сих пор присылает сюда сотрудников, – с плохо скрываемым энтузиазмом бормотал водяной. – Получая разрешение на съемки, я и понятия не имел, что тут будет кто-то, кроме нас. Просто поразительно!

– Чего?!

Маруся от неожиданности сбилась с шага и вжалась спиной в шефа. Возглас у Иму получился беззвучный, зато взгляд кричащий.

Лик пожал плечами, завел Рыжика за спину и успокаивающе похлопал леопарда по плечу. А Тварь Болотная все продолжал идти впереди и бормотать:

– Поместье заброшенным не выглядит, согласен, но все же открывали его мы. Ни одного создания на сотни километров вокруг. Телепорт и тот пустой, автомат. Бывали когда-нибудь на Мана? Я там снимал. У них похожие, только модификации постарше, но смотрятся также уныло, пустынно и зловеще. Жуткое место.

– Я прошу прощения, – подловила Мосвен перерыв в монологе водяного. – А вас так и называть?

– Как? Тварь Болотная? – Новый знакомый обернулся к

кошке и добродушно рассмеялся. – Жуткое имя, да? О чем родители только думали, не знаю. Назвать так единственного любимого ребенка! Вы очень проницательны...

– Спасибо, – улыбнулась мягко Мос.

Водяной расплылся в счастливой ответной улыбке, при этом про вопрос он явно забыл.

– Так как называть? – напомнил сухо Клеомен.

– А! – очнулся проводник. – Зовите Тварь Водяная. Это мой сценический псевдоним. Но можно просто и неофициально, очень лично, так сказать, – Тварь.

Маруся тактично подавилась. Горица нетактично фыркнула. Иму тактичность была вообще несвойственна, поэтому он просто захохотал. Произнося последнюю фразу, водяной не сводил нежного взгляда с Мосвен, чем напугал ее и заработал недоброжелателя в лице Клеомена.

– Какой фильм снимаете? – деловым тоном задал вопрос Ликург, отвлекая внимание Твари от своих невежливых подчиненных.

– Документальный. Вы мой псевдоним не узнали?!

Иму снова засмеялся. Шеф оказался таким же невежливым, как все.

– Извините, нет, – сдержанно процедил Эйдолон. – Мы много работаем. Трансляции смотреть времени нет.

– Ох, да? – спохватился водяной. – Мои фильмы очень популярны. "Тайны и загадки Вселенной с Водяной Тварью". Слышали наверняка.

– О! Точно! – обрадовалась Руся. – Знаю!

Обрадовалась не одна она. Проводник мгновенно сменил объект обожания и с преданной нежностью во взгляде обернулся к ведьме:

– Правда?

– Да! – Козлова счастливо закивала. – Сама я не видела, но моя прабабуля вас обожает! Говорит, вы смешно рассказываете.

– Прабабуля и смешно? – Режиссер помрачнел, подобрался и слегка напыжился. Страсть к новым знакомым женщинам утихла так же быстро, как разгорелась.

Иму смеялся уже не останавливаясь, а Руся виновато прикусила губу.

– Пришли, – угрюмо пробормотал Тварь и резко ускорил шаг.

Широкая мощеная дорожка, по которой они следовали за водяным, плутала через заросли двухметрового тростника и закончилась за поворотом огромными коваными воротами.

– Н-да, – присвистнул Иму. – Мы не отдыхать.

Руся поежилась. Она с леопардом единение эмоций редко ощущала, но вот сейчас был именно тот редкий случай. За воротами черной, плохо освещенной махиной возвышался трехэтажный замок, и он мало напоминал место отдыха. Скорее, место преступления или место, где проживает виновник преступления. Возможно, целый клан монстров. Пахло сыростью, болотной жижей, лесом, сладкой осокой, и

со стороны замка немного тянуло дымом.

– И как? – ехидно поинтересовался водяной. – Смешно?

– Пока нет, – равнодушно ответил за всех Клеомен.

Ворота чуть скрипнули, пропуская гостей на территорию цитадели МУП.

– Хотелось бы увидеть разрешение на съемку и проживание в закрытом комплексе, если не возражаете.

Тварь недовольно уставился на Лику:

– Пренебреженно. Разместитесь сами?

– Да, благодарю, – улыбнулся Эйдолон. Добросердечные отношения не сложились, и Ликурга это несколько не расстраивало. Вот что его по-настоящему расстраивало, так это поведение Ярослава. Иму не поверит, что Атум ввел в заблуждение всех без исключения. Да никто не поверит, что Ликург, как и все, растерян, расстроен, зол и разочарован! Не вдаваться же в подробности сложных отношений с самим собой, Рыжиком и ее Шутом. Надеялся на передышку, а теперь придется разбираться с происходящим в этом захудалом болоте.

– Всего доброго, – не слишком искренне пожелал водяной и перешел на бег.

– А неспроста мне реестр Женька не дала. Там наверняка среди объектов Интерпола этой радости нет. Вот ж...

– Папина дочка? – прервала Иму русалка.

– Прямо мои мысли читаешь, – пробубнил недовольный леопард.

– Ты знал? – Клеомен поравнялся с шефом и выжидающе взглянул на его профиль.

– Нет.

– Ребят, тут как в черной дыре. – Маруся встала рядом с шефом с другой стороны и тоже взглянула на его профиль, только охарактеризовать ее взгляд однозначно у коллег не вышло бы.

– Киборг, ты в свете фонарей со своими серебристыми глазюками выглядишь жутко. От нас далеко не отходи, а то выйдешь так к кому из местных гостей, и все. Нет гостей.

– Благодарю. – Реагировать на подколки Иму она не собиралась. Не себя ей сейчас хотелось обсудить. – Ничего нет. Пустота. Радиопередач и тех не ловлю. Как в наглухо запертой банке. При этом магии охранной тоже никакой нет. Ни щитов, ни замков. Единственный рабочий источник – телепорт, но для него будто исключение создано. Что это за место такое вообще?

Лик молча покосился на сверкающие серебром глаза, пожал плечами и направился к замку.

– Эй, погоди, – крикнул ему вслед Иму. – Может, назад?

– Нет. – Голос Эйдолона звучал уверенно, так что группе пришлось нехотя шагать за начальством.

На лице Дингира расплылась довольная улыбка. Эту женщину он всегда был рад увидеть. Не существовало в обоих мирах другого такого создания, как Маруся. Не без удовольствия гиена проследил, как изящная фигура, покачивая бед-

рами в облегających брюках и сверкая пылью в скудном свете старых желтых фонарей, плывет мимо него к проклятому замку. Она обладала удивительной энергией. Ее маниту сводило с ума, сама она завораживала. Дингир печально выдохнул, заметив облако Шута за плечом Эйдолона. А когда пригляделся и проследил связь между Марусей и Ликургом, улыбка исчезла с лица гиены, уступив место разочарованию. Не того она бога выбрала.

– Что? – Руся беззвучно шевелила губами, с размеренной частотой повторяя один и тот же вопрос вот уже в шестой или седьмой раз. Система умного гостиничного комплекса помогла им выбрать крыло и номера, подготовила помещения к открытию, – тут у Маруси возражений не возникало. Она даже проверять не стала, куда там Лик их селит. Возражать она начала, когда шеф вдруг еще на лестнице взял на себя управление ее чемоданом, а ее саму при всех взял за руку. Дальше Марусю несколько не удивило желание Мос и Клеомена, Иму и Горицы поселиться в номерах парами, ее удивило желание шефа поступить так же.

Чем больше времени проходило с момента их прибытия на курорт, тем сложнее становились ее отношения с непосредственным руководителем.

– Твои кеды ношу. Видишь? Удобные. – Это было следующее ее беззвучное "что?"

И вот теперь она шевелила губами под командное: "отом-

ри".

– Ты так и будешь замирать? – Лик возвышался над ней и удерживал мягко за плечи. – Что не так?

Руся неопределенно повела плечом, замороженно глядя в подернутые сияющей голубой дымкой глаза. Если верить учебникам, такими глаза у богов становились лишь в мгновения покоя и умиротворения, что с богами бывает крайне редко. На свете существует мало созданий, имевших честь наблюдать подобную картину лично. Руся никак не ожидала стать таким счастливчиком. Она вообще не собиралась лицезреть ничьи глаза подле себя в своем жизненном пространстве. Хороший роман с сексуальным печальным мужчиной на безопасной территории или же на его территории. Ничего больше. И не с шефом!

– Ладно. – Лик нехотя отпустил ее. – Переодевайся, купайся, ложись отдыхай. Дни, думаю, предстоят насыщенные скукой и нервозностью.

Он развернулся, подхватил куртку и направился к двери. Для Руси и такое поведение Лика стало неожиданностью. Она подалась следом:

– Ты куда?

– Прогуляюсь, – не оборачиваясь, откликнулся Эйдолон и вышел из номера, тихо захлопнув за собой дверь.

– Надо было метлу брать, – пробубнила Руся, подхватила мешок с пылью и помчалась догонять шефа. – Подожди! Те!

Лик только тихо вздохнул и с улыбкой покачал головой.

Оборачиваться не стал – не хотел, чтоб заметила реакцию. Привычка Рыжика путаться в формах обращения давно не вызывала у него раздражения, исключительно нежность.

Рядом с правым плечом мелькнули медные кудри и веснушчатый нос. Теперь они спускались по парадной лестнице вдвоем.

– Вы куда?

– Ты, – поправил ее Лик.

– Я, – с готовностью кивнула Рыжая и удивленно, испуганно взглянула на профиль шефа, когда тот застонал.

– Ты куда? – протянул он с нервным смешком.

– Я с вами.

Суть диалога Руся не понимала, но старательно поддерживала. Когда только что в номере Лик развернулся и вышел за дверь, она ощутила холодное дуновение в груди, будто теряет что-то важное. Неприятное, беспокойное чувство.

– Так мы куда? – уточнила она еще раз.

Лик вновь улыбнулся. "Мы" прозвучало даже лучше, чем "ты".

– На поиски информации. Сможешь пообщаться с базой данных умного дома?

– Попробую, – кивнула Маруся. – Но мне время на это нужно.

– Уверена, что не хочешь пойти отдохнуть?

Она отрицательно покачала головой:

– Не хочу.

– Тогда тебе туда. – Ликург кивнул в сторону административной, где они больше получаса назад заполняли гостевые формы.

– А вы?

– Ты.

– Ты.

На этот раз поправку она поняла.

– А я ночным воздухом подышу.

– Зачем?

– На всякий случай. – Объяснять свои подозрения смутными ощущениями Лик не хотел. Было в окружающей дом густой тьме что-то живое и неприятное. Чье-то смутно знакомое и одновременно отталкивающее внимание.

Руся с сомнением взглянула на тяжелые резные двери, затем на шефа, потом снова на двери.

– Нет. – Она отрицательно покачала головой. – Данные пусть Мос выкачает. Я составлю трехмерную подробную карту местности.

Со смешанными чувствами Лик следил, как Рыжик выдала команду начальству и, не дожидаясь реакции этого самого начальства, направилась на улицу.

– Мартышка, – беззлобно прошептал он и пошел следом.

На этот раз туман не вызвал у Лика прежнего ощущения чужого взгляда, сохранилась только смутная тревога. Чувство, будто все болото вокруг разумом дышит. Не живое и не мертвое создание. Вроде разрозненное маниту, но пульсация

единая угадывается. Эйдолон нахмурился. Он доверял своему чутью, но и Горице он доверял тоже. Русалка, разгоняя туман, словом не обмолвилась, а это означало, что водная стихия к его подозрениям отношения не имеет.

Ликург спустился с крыльца на покрытую мелким дробленным камнем подъездную дорожку и встал рядом с парящей Марусей. Решение она приняла, несомненно, не самое удачное. Теперь вместо осмотра территории комплекса ему придется охранять покой незрячей глухой ведьмы. Причем охранять придется довольно долго. Это не маленькую человеческую могилку изучить.

– Но кто я такой, чтобы спорить? – со смешком прошептал Лик.

– Помочь? – раздался от двери голос леопарда.

Эйдолон с удивлением обернулся к другу.

– Ты-то чего тут делаешь?

Иму с сомнением оглядел ведьму.

– Я тут... Слегка переборщил...

– Его из номера выгнали воздухом подышать. – Следом за леопардом вышел Клеомен.

Иму оскалился.

– Скалься, не скалься – не поможет. Шеф, ты когда-нибудь Горицу в ярости видел?

Лик отрицательно покачал головой. Его и смех душил, и одновременно раздражение. То ли место так влияло на подчиненных, то ли жизненные обстоятельства совпали, но вели

они себя хуже обычного.

– У них дверь номера со стороны коридора и неем покрывалась.

– Да я случайно! – взвился леопард. – Ты-то чего тут делаешь? Гений.

– Мос данные из умного дома достает. Мы за вами следом шли.

Последнюю фразу Клеомен адресовал Лику.

– Так чем помочь? – повторил свой первоначальный вопрос Иму.

– Клеомен охраняет покой Рыжика и Мосвен, а мы с тобой прогуляемся по периметру.

– Тоже чуешь единое дыхание? – прошептал аниото, когда они обогнули дом и направились по дорожке в парковую зону. – Странное место, неприятное.

– За Горицу не переживаешь?

– Не-ет. Булочка сейчас сама кого хочешь убить может. Тут близкая ей стихия. Она у меня не такая безобидная, какой кажется.

Лик беззвучно рассмеялся и покачал головой. Иму сощурился. В рабочее время он, может быть, еще и поиграл бы наедине в подчиненного, но не теперь.

– Ты лучше, друг мой, расскажи, что у тебя с Киборгом?

– Все.

Ответ Ликург дал мгновенно, не раздумывая, спокойным, уверенным тоном, заставив тем самым Иму отвлечь-

ся от созерцания окружающей природы и сосредоточить все внимание на товарище.

– Что – все?

Боги часто увлекаются. И Лик не исключение. До Кринос была милая очаровательная малышка полуальв, до полуальва человечка почти две недели продержалась, до человечки кошку в джунглях подцепил. Процесс божественного увлечения юными созданиями Иму выучил назубок. Настроение приподнятое, азарт в крови бурлит, первые пару дней глаза то и дело вспыхивают, несмотря на маску. А тут ничего. Покой и умиротворение.

– Я пару нашел.

И уверенность. Не привычная упрямая уверенность, что дама сердца идеальна, а взвешенная уверенность в происходящем.

– Шутишь?

– Нет, – Лик отрицательно покачал головой. – Рад бы пошутить, но нет. Слышишь что-нибудь?

Иму тряхнул головой и огляделся.

– Крики истеричные – это блодуэдд. Они тут гнездятся. В номерах электронный путеводитель есть. Полистай потом, интересно. – Аниото задумчиво помолчал. – Змей слышу. Мышей. Рыба или земноводные плещутся. Мелочь, короче, разная. Из необычного – натянутые звенящие звуковые волны, но это Киборг.

– Вот и я ничего не улавливаю, а ощущение неприятное

не пропадает.

– Там в конце аллеи озеро. Дойдем до него, потом свернем направо или налево. Сам выберешь. Или разделимся. Вдоль ограды симметрично тянутся два зеленых коридора из виноградника. В целом, мы на острове среди топей. Карта дома и прилегающей территории тоже в путеводителе, плюс история дома.

– Что там в истории?

– Не знаю. Не успел прочесть. Так приперло прогуляться, прямо не поверишь как!

Лик рассмеялся.

– Почему именно Козлова? – вернул Иму разговор в прежнее русло. – Мне всегда казалось, что это будет богиня.

– Я тоже так считал. Ну, кроме тех моментов, когда влюблялся.

Аниото отмахнулся.

– Мы не про увлечения сейчас. Ты уверен, что это она?

– Да. – Лик взглянул на недоуменное выражение на лице Иму. – Что?

– Просто как-то непохоже, чтобы ты ее очаровывал. Она тебя сторонится. Или это так и надо?

– Так и надо, – сдержанно ответил Эйдолон и вновь сменил тему разговора. Увлек Иму охотой на неизвестного врага и сам предпочел увлечься тем же. Думать о сложностях во взаимоотношениях с Рыжиком пока не хотелось.

К тому моменту, когда они вернулись, Мосвен уже за-

кончила со своей частью работы и, удобно устроившись под боком у Клеомена, помогала Марусе.

– Что там? – Иму забежал за спину кошке и склонился над экраном.

– Там мечта эколога. Она не просто трехмерную карту составила, тут данные по почве, растительности... – Мос вывела списки. – Видишь? Животные, насекомые и еще уйма показателей, вплоть до химического состава воздуха. Она даже в воду на озере залезла и в болото за стеной.

– Содержание гуминовых и фульвокислот в водах ТБЭС, – прочел Иму. – Это что вообще?

– Это торфяно-болотная экосистема.

– Минерализация, pH, жесткость... Шеф! Нам все это надо?

Лик подпрыгнул, зацепил парящую уже довольно высоко Марусю за край пуловера и осторожно потянул вниз.

– Нам сейчас никакая информация лишней не будет. Если делает, то пусть делает.

Опустив ее до уровня своего лица, Лик обернулся к группе.

– Мос, ей долго еще?

Кошка отрицательно покачала головой.

– Что-то полезное узнала?

– Узнала, но не все. И не все, что узнала, поняла. Дом действительно включен в реестр МУПа. Объект под руной "трясина". Но я понятия не имею, что это значит. Ни разу не

видела, чтобы какой-либо объект в реестре Интерпола обозначали руной. Это первое.

Лик нервно выдохнул, сцепил пальцы на затылке и запрокинул голову. Иму истолковал жест шефа первым:

– Зато ты знаешь, да?

– Знаю. – Лик оглянулся на Марусю, убедился, что она все еще занята, и присел на землю рядом с Клеоменом. – Есть у высокого начальства особый список. Список короткий и не самый приятный. Не задумывались никогда, что происходит с имуществом тех, кого мы ловим или закрываем пожизненно?

– Обезвреживают, потом, если требуется, распродают, – проговорил черт, внимательно глядя на бога.

– А если невозможно обезвредить?

Клеомен задумался. В воцарившейся тишине стали слышны крики населяющей болото живности, стрекот ночных насекомых, шорох ветра, едва уловимые всплески, словно кто-то крошечный пытается искупаться, на ночь глядя.

– Есть такой список. Есть. – Лик взлохматил себе волосы на затылке. – Строят отдельный выход телепорта, как в случаях с отпускными объектами, огораживают, покрывают руной, и информация отправляется под ключ.

Мосвен кивнула:

– Это объясняет мою следующую трудность. Для дальнейшего доступа мне требовалась личная печать с уровнем допуска повыше моего...

– Понял. – Лик поднялся. – Пойдем.

– Да что ты, – махнула рукой кошка. – Сиди. Я сама справилась. Сымитировать твою печать не так уж и трудно.

Иму фыркнул:

– Кто-то, кажется, переобщалась с киборгом.

– Нет, – отрезала Мос. – Кто-то просто никогда не видел мое истинное лицо. А еще кто-то мог бы побояться за свои секреты.

Произнося последнее предложение, кошка исподлобья взглянула на аниото.

– Что? – растерялся Иму.

– Красивый эксперимент, да и ты гораздо сентиментальнее, чем можно себе представить.

Леопард оскалился и зарычал.

– Да какое право...

– Не сейчас! – скомандовал Лик. – Что было под печатью?

– Мы в одном из трех родовых поместий Гуфо. – Мос чуть потянула паузу, давая время коллегам осознать масштаб возникших у них проблем.

– Несколько столетий назад этот дом принадлежал дяде Арно по отцовской линии. Арно был единственным прямым потомком древнего рода, так что со временем собрал невероятную коллекцию из вещей, зданий и земель. После казни большинство объектов было обезврежено, затем распродано, передано в музеи или отошло непрямым наследникам. То, что обезвредить не смогли, изолировали и законсервировали.

ли. Интерполу поместье передали из-за действующего на тот момент соглашения между землями, на территории которых Арно держал свои лаборатории. Не удивлюсь, если список с рунами появился благодаря наследию Гуфо.

– Псих, – согласилась Руся. – Ты продолжай, я все слышала.

Лик напряженно следил, как Рыжик, старательно скрывая переутомление, опустилась на землю рядом с ним.

– Теперь про сам объект. Арно называл его "Дом отдыха дорогих гостей", он открыл это место почти сразу после смерти дяди.

– Странноватое место для отдыха. – Иму окинул оценивающим взглядом окружающую обстановку.

– Дорогими гостями тут были неуправляемые подростки. Оборотни без цикла, боги без родового барьера, ведьмы и ведьмаки с неугодным покровителем и тому подобное. Список детей тоже есть, и у всех минимум две пометки с отчислениями из других заведений.

Иму, Клеомен и Мосвен одновременно взглянули на Козлову, и только Ликург продолжил задумчиво разглядывать дробленный камень перед собой.

Руся нервно усмехнулась.

– Вы чего? Арно казнили до меня.

Мосвен смутилась:

– Да мы не поэтому. Случайно вышло. В общем, родители платили, и детей убирали с глаз долой. Всего за корот-

кий срок существования заведения сюда поступили двадцать три создания. Договора не заключали, все было гораздо хуже. Родители или опекуны писали отказ от ребенка в пользу Арно. Если верить вступительному бюллетеню, Гуфо и его сотрудники обязывались обеспечить надзор, обучение и экспериментальное лечение постояльцев. Оплата содержания и лечения шла в виде благотворительных взносов.

– Сдавали и забывали, – тихо проговорила возле дверей Горица.

Иму сорвался с места и побежал к русалке. Лицо ее выглядело осунувшимся и заплаканным.

– Стоячая вода здесь помнит больше, чем мне хотелось бы знать, – всхлипнула Горица и, позабыв все обиды, едва ли не упала в спасительные объятия аниото. И заревела навзрыд. Из всех причитаний можно было явно различить только одну фразу: "зачем я спросила".

– Они там, за стеной. Все двадцать три. – Маруся очертила в воздухе круг. – Лежат в топях.

– В документах о трупах ни слова, – пробормотала Мосвен.

– Они сами не знали. Никто не пытался обезвредить эту землю. – Руся повернулась к шефу. – Он использовал магию Аптекарей. Здесь наш экран стоит. Если бы я не была наследницей, то погибла бы сразу при попытке начать исследование местности. И Мосвен бы тоже погибла...

Лик накрыл руку Маруси своей, вынуждая ее замолчать.

– Подожди. Дом опасен?

Руся отрицательно покачала головой:

– Нет. Гражданские здесь уже пятые сутки.

– На сегодня все, – громко объявил Эйдолон. – По номерам и отдыхать. Завтра продолжим.

– Руны особым объектам давали не господ из Интерпола, – продолжила Маруся, когда они с Ликом оказались в комнате наедине. – Это сделал сам Арно.

– Моя печать ей для доступа была не нужна, – кивнул бог.

– Это первое, что пришло в голову. Надо было как-то ее задержать, пока не сниму барьер. Кстати, отлично сработала. Я такого качества еще не видела. Представляю, сколько будут стоять ее поделки. – Руся задумчиво уставилась на высокий потолок, украшенный изображениями охотящихся сов. Получив зрителя, птицы тут же ожили, показывая все свое мастерство, а заодно и мастерство древнего художника.

– Не туда, – подсказал Лик, отвлекая Рыжика от размышлений о стоимости на черном рынке талантов его самого честного сотрудника. – Предыдущую мысль верни.

Руся проследила за полетом птицы под потолком и опустила взгляд на широкие окна.

– Клетку видите?

Лик внимательно оглядел комнату.

– А она есть, – не стала дожидаться ответа ведьма. – И надежная. Не универсальная, а уникальная, настроенная на маниту двадцати трех созданий.

Руся на мгновение замолчала, подошла к окну, прижалась лбом к стеклу и нараспев продолжила:

– Двадцать три... Двадцать три... Двадцать три, отомкни... Их прятали, они прятались, все спрятались, надежно спрятались. Никого не видно, никого не слышно...

Серебряная пыль вырвалась из мешочка, который Рыжик сжимала в руке, взметнулась под потолок и рассеялась по комнате.

Ликург сначала с тревогой наблюдал за Марусей, потом подошел, взял ее за плечи и повел к кровати.

– Двадцать три... – продолжала бормотать Руся. – Двадцать три могилы и тридцать три жизни... Чужие сосуды и свои... Все спрятались.

Эйдолон уложил ведьму на подушки.

– Спряталисьсь. Тридцать три, – зашипела она одновременно с ожившим Шутом. Лицо побледнело, зрачки расширились. Лик успел не на шутку испугаться, но вдруг все прекратилось. Рыжик моргнула и удивленно уставилась на начальство.

– Ты в порядке?

– Я? – Руся не очень поняла, что смутило ее больше: абсолютно белые глаза, с тревогой изучающие ее лицо, или теплое тело, нависающее над ней. Очень близкое тело, и глаза ласковые.

– Какие тридцать три жизни?

– Что?

Лик удовлетворенно кивнул, словно она на вопрос ответила.

– Говоришь, не страшен для нас дом?

– Нет, – Руся с опаской понаблюдала, как шеф вытянулся рядом на кровати. – Здешние оковы и сети настроены на маниту конкретных созданий. Они отсюда не только при жизни сбежать не смогли бы, но и после смерти тоже не смогут. Вполне может оказаться, что похоронили их уже после смерти Арно.

– Вывезти не смогли?

– Ага.

Лик с улыбкой наблюдал, как Рыжик тихо вздохнула, когда он повернулся на бок и подвинулся чуть ближе. На веснушчатом лице читалась целая гамма эмоций: от подозрительности до паники.

– Только я не знаю, как снимать такие заговоры! – испуганно воскликнула она, когда он протянул руку и убрал кончиками пальцев медные кудри со лба. – Нас ведь обезвредить объект сюда прислали?

– Думаю, да. – Лик больше не улыбался. Он заморожено наблюдал за ожившим волшебным полотном. Когда-то он сравнил ее с одной из картин, что видел в Асгарде. Тогда лишь сравнил, сейчас же осознал, что она сама по себе всегда была чарующим произведением кисти неизвестного мастера.

– Рыжик.

– А? – Она чуть отодвинулась и тоже повернулась на бок лицом к Лику.

Тонкие пальцы сжали одеяло так крепко, что побелели костяшки. Эйдолон осторожно коснулся ее руки. Она могла бы возразить, переселиться, запретить ему приближаться, сказать «нет», в конце концов. Один-единственный намек – и он изменит поведение. Но Рыжик только сворачивалась в клубок в странной попытке спрятаться от собственных страхов. Ликург осторожно разжал ее пальцы и переложил изящную кисть себе на ладонь. За то короткое время, что она проработала в Интерполе, он узнал о ней много, гораздо больше, чем позволяли официальные каналы. Поначалу она его интересовала исключительно с профессиональной точки зрения, затем как потенциальный постоянный сотрудник, которому придется влиться в коллектив, но после близкого знакомства с некоторыми аспектами жизни мадам Жужу, Лик понял, что ему требуется знать о Марусе все.

На домашнем видео тоненькая, щекастая и рыжая малышка улыбается во весь рот и хохочет, пока мать забавляет ее. Та же самая мать, которая спустя всего несколько лет повернется к ней спиной и спокойно покинет интернат. А девочка, заливаясь слезами, будет биться в руках тюремщиков, с помощью Шута разрушая все вокруг. Сотрудникам закрытых школ жизненно необходимо знать возможности подопечных. Весь отснятый материал впоследствии подшивается к личным делам и передается семье. Мать, отец, бабушки, дедуш-

ки, дяди, тети... Бесконечный список родни, и никто, кроме Береславы, не вступился за Рыжика.

Больше она не хохотала. Даже не улыбалась. Первые годы после Интерната на каждом снимке она выглядела серьезной, задумчивой или просто испуганной. Несуразный, костлявый юнец с глазами взрослого создания. Со временем Береслава и змий изменили ее. Появилась улыбка, уверенность и мягкость... Она сидела в кресле на веранде, обнимала приемного деда Кулю и выглядела счастливой. Простым счастливым подростком. Пока вновь не вмешалась ее семья.

Лик погладил блестящие кудрявые пряди. Выстроил сложное, замкнутое в цикл проклятие, отправил матери Рыжика и забирать слова назад не стал. Желание зрело давно. В наговор он вложил все свои навыки. Ни маг, ни полицейская ищейка авторство не установят, и никакая родовая защита препятствием не станет. Госпожа Козлова пройдет тот же эмоциональный путь, которым собственноручно вела дочь.

– Ссспасибо, – незаметно прошипел ему в ухо Шут.

Необузданная сила внутри сосуда, страх, одиночество, боль толкали юный неокрепший разум на необдуманные, глупые, порой просто безумные поступки. Казалось, она одна решила опозорить род всеми возможными способами. Бумаг официальных с того времени сохранилось немало, видеоматериалов тоже. Пока Береслава билась с Шабашем за право принять Марусю в наследники, семья безуспешно пыталась уничтожить его малышку. Драться с родней она не

умела, но умела не сдаваться. Вся воспитательная работа неизменно каралась появлением в доме представителей власти. Лик улыбнулся, вспомнив, как эта веснушчатая мордашка в сопровождении ищеек высокомерно взидала на все свое разъяренное семейство, когда дом навестили господа из мира криминального. Семейные ценности уплыли на черный рынок.

А мужчины... Шут Баранова был прав. Всю свою жизнь она притягивала мужчин, жаждущих не ее саму, а ее силу. На первый взгляд, может показаться, что Рыжик и ее маниту – единое целое, но это не так. У нее не случайно возникают сложности с определением маниту окружающих созданий или объектов. Она сама своей крови не ощущает. Поэтому и ее Безумец имеет возможность бродить самостоятельно по земле. Маруся и ее Шут – два разных организма, связанных эмоционально.

– Рыжик, – улыбнулся Лик. Она вздрогнула.

– Поцелуй меня.

И без того испуганная была, а после его слов окончательно запаниковала. Вдобавок шевелиться перестала.

– Сама. Пожалуйста, – добавил Эйдолон ласково.

На раздумья у нее ушло не больше минуты, потом она что-то для себя решила, приподняла голову, чарующе медленно приблизилась и прикоснулась губами к губам Лика. Бог прикрыл глаза и едва слышно со стоном прошептал:

– Еще.

Руся повторила поцелуй. Было в теплом спокойном сиянии его глаз что-то, что заставило ее почувствовать себя иначе. Будто внутри вдруг вспыхнула новая жизнь. Счастье, удовольствие, легкая усталость, и все это без привычной затаенной боли. Она несколько раз проверила. Никакой тревоги или недоверия.

– Пожалуйста, – услышала она почти беззвучный шепот. И снова исполнила просьбу. Теперь к удовольствию прикнуло желание.

Лик уловил эту перемену, поднял руку Рыжика и прижал к своей груди. Она тяжело прерывисто вздохнула, затем вновь что-то для себя решила и пробормотала:

– С чего... Почему... Так быстро про любовь... – слово далось ей с большим трудом. – Так быстро не понимают.

Вышло сумбурно, но Лик знал суть ее страхов еще до того, как она отважилась озвучить их.

– И все равно. Разве так – это по-настоящему?

Под «так» она подразумевала его божественную сущность.

– Рыжик. – Лик ласково улыбнулся, поцеловал ее в нос и уложил обратно на подушки. Что бы он теперь ни произнес, она не поверит. Доверия придется добиваться еще очень и очень долго. Доказывать маленькой пугливой израненной девочке, что надежно прячется в глубинах ее разума, сколько она может получить, если перестанет прятаться. Ей привычнее драться, нежели любить.

Руся все еще вопросительно на него смотрела.

– А почему нет? – мягко поинтересовался Лик. – Я не могу любить тебя?

Шут за плечом взвился и зашипел от боли. В глазах Рыжика заблестели слезы. Она поспешно опустила веки и закусила нижнюю губу. Лик мысленно одернул себя. Поспешил. Нужно было уйти от ответа и вернуться к разговору гораздо позже. Ей не нужны слова, ей нужны дела. Родители наглядно показали дочери пустоту слова «люблю», а Береслава слишком умная особа, чтобы говорить правнучке опасный глагол. Она все объяснила Марусе деяниями. Лику ничего не оставалось, кроме как произнести:

– Я люблю тебя.

Ошибку не исправит, но впоследствии заставит совесть Рыжика помучить хозяйку за оказанное недоверие. Слова вес сами по себе не имеют, вес им дает личность говорящего. Она эту истину еще не усвоила.

Бог потянулся и поцеловал Марусю в висок. Теперь неплохо будет вывести ее из равновесия:

– Я же все равно тебе с самого начала нравился.

– Что?!

Лик с удовольствием понаблюдав за преображением маленького слабого Рыжика в возмущенную и совсем не слабую ведьму. Она даже подскочила. Глаза загорелись, губы сжались, ресницы от влаги слиплись, бледность сошла, и кудри во все стороны торчат. Чисто ведьма! Весьма соблазни-

тельная ведьма.

– Ты обо мне заботилась. От похмелья лечила, и от стресса.

Руся открыла рот, дабы опровергнуть неуместную божественную самоуверенность, но тут же закрыла. Слишком явной жаждой приключений загорелись белые глаза. Она сощурилась:

– Ты нарочно!

Ликург рассмеялся:

– Есть такое.

Он вдруг сел, оказавшись лицом к лицу с Русей, и с нескрываемым азартом прошептал:

– Накажи меня...

При этом он и шутил, и был серьезен одновременно.

Маруся издала истеричный смешок, попятилась, спрыгнула с кровати и убежала в ванную. Многовато информации для одного позднего вечера. Несколько часов назад у нее вообще в личной жизни мужчин не было и не намечалось, а он сразу и «люблю», и «накажи». Руся закрыла за собой дверь и обессиленно постучалась об нее лбом.

– Что я делаю? Что я делаю?..

Костя созерцал Бездну. Бездна созерцала Костю.

– И что скажешь в свое оправдание? – тихо, спокойно, мягко произнес Атум.

В целом, Ивченко еще пять минут назад, очень долгих,

стоит отметить, пять минут назад, переступив порог кабинета Ярослава, понял, что перед ним не добродушное всемогущее создание, к которому он успел привыкнуть, а Женин папа. И Жениного папу потенциальный кавалер не устраивал. Впрочем, ясно, что Жениного папу ни один кавалер не устраивал. Костя вжался в кресло сильнее и как можно деликатнее просипел:

– Как думаете, я ей хоть чуть-чуть нравлюсь?

Ярослава от услышанного хамства слегка перекосило. Правая половина лица осталась равнодушной, на левой появилось искреннее недоверие.

– Откуда мне знать?! – начала свирепеть Бездна. За окном гроыхнуло.

– Папа! – Женин голос в динамике прозвучал не менее жутко.

– Откуда мне знать?! – прошипел Атум и на всякий случай бросил быстрый взгляд на триплекс. Темные грозные тучи за стеклом рассеялись так же быстро, как и появились. – Это ты свои ручонки тянешь, куда не надо!

– Так, а как? – Костя развел «ручонки» в стороны.

– Что «как»?!

Теперь обе половины лица Ярослава симметрично выражали недоумение.

– Ну, да, влюбился! А как в нее не влюбиться?

Бездна остыла и на секунду задумалась, потом согласно кивнула:

– Ну, это да...

– Во-от, – абсолютно искренне подтвердил Костя.

Ярослав постучал ногтями по столу.

– Я действительно с этой стороны никогда не смотрел. Конечно, знал, но не обдумывал... Вот так так... – Атум продолжил отбивать замысловатый ритм по крышке рабочего стола. Пауза затянулась на пару минут, затем он добавил:

– Но не думаю, что ты ей нравишься.

– Почему? – Костя принялся сосредоточенно складывать нижние края полочек на своей рубашке в треугольники.

Ярослав не без сочувствия понаблюдал за мальчишкой. Хитрый жук, но искренний. Стратегию придумал гениальную, как наказания Атума избежать, и при этом ни грамма лжи не произнес. И про «влюбился» – чистая правда, и вот это «почему» тоже. Даже треугольнички свои от расстройства ваяет.

– Я ее папа, мне виднее, кто ей нравится.

– А кто ей нравится? – глаза маленького человечка выдавали отчаянное любопытство. У него этот вопрос в план не входил. Чистая импровизация.

– Никто, – Ярослав больше не злился, наоборот, его разговор начал забавлять. Да и стыдно немного стало. Отчасти по его вине первый поцелуй у дочери случился не как положено, красиво и романтично, а под влиянием старой карги.

– Зловредная дряхлая бабка, – беззвучно проговорил Атум сквозь зубы, титаническими усилиями сдерживая гнев.

Костя, меж тем, еще что-то хотел спросить, но передумал.

– Ну? Открыл рот – спрашивай.

– Я мог бы ей понравиться?

Ярослав хотел учинить расправу, но потом вспомнил, что сам на вопросе настоял.

– Что во мне не так? – расценил по-своему молчание собеседника Ивченко.

– Иди отсюда! – махнул в сердцах рукой Атур.

Костя нехотя встал и поплелся к выходу, на полпути обернулся, намереваясь еще что-то спросить, но был прерван.

– Кыш!

– Да ладно, ладно, – пробубнил парень. – Понял я, понял.

– Вот же змий на все их головы, – возмутился Ярослав и оперся лбом о прохладную поверхность стола. – Что ж это делается?

– Папуль, – чрезвычайно ласково начала Женя из динамика, – Зверобой сбежал.

Великий и всемогущий застонал.

– Па-ап? Так что? Пусть бежит или ловить?.. Па-ап? Кнопочку нажми, а то я ответ не слышу.

Ярослав не глядя выполнил просьбу дочери:

– Не трогай его. Ликург сам разберется.

Руся с трудом разлепила веки. Комната была залита теплым ярким светом.

– Приве-ет, – хитро протянула Горица. Она сидела на кро-

вати рядом с Марусей и счастливо улыбалась.

– Ты чего такая довольная? – просипела ведьма.

– Она влюбленная. – Мосвен сидела на другом конце кровати и разбиралась со столиком. – Потрясающе! Я «скатерть-самобранку» последний раз видела лет десять назад, не меньше. Русь, ты с такой системой когда-нибудь работала?

– Там личность подтвердить сначала надо. – Маруся зевнула и села в кровати. – Есть у Горицы один знакомый влюбленный в нее хоб – коллекционер. Я ему как-то настраивала это старье.

Мос с любопытством изучила побледневшее, перепуганное лицо русалки. Догадаться, что Козлова припомнила полет в заводской район, труда не составило. Где еще благовоспитанная берегиня могла подцепить хобгоблина?

– Иму тебе, кстати, до сих пор это приключение своей Булочки не простил. Знаешь?

– Знаю. – Руся прыгнула с кровати и подошла к окну. – Но как по мне, так он свою Булочку недооценивает.

– Да чтоб!.. – взвизгнула Горица. – Я не Булочка!

Кошка с ведьмой рассмеялись.

– Вы нарочно, – мгновенно остыла русалка. – Вот верну туман обратно – будете знать.

– Не надо, – примирительно заулыбалась Мосвен. – Готово! Кому что на завтрак?

– Да, здешние места под теплыми лучами не грелись очень давно.

Руся рассеянно изучала пейзаж за окном. Днем все выглядело иначе. Парк не был детищем создания, это была работа одного из «Садовников» первого поколения. Когда-то давно, когда она была совсем ребенком, родители очень гордились новой покупкой и радовались возможности сократить наемный штат родового гнезда. Здесь вообще многое напоминало о детстве. Старые дома Объединенного Шабаша строились в одно время с использованием одинаковых технологий. Семьи общались, заключали соглашения, браки.

– Я думаю, в подвале есть склеп, – озвучила свои промежуточные выводы Руся.

Горица, уже приступившая к сдобной выпечке, поморщилась.

– Тебе овсянку или булочки? – Прежде чем произнести запретное слово, Мосвен опасно покосилась на берегиню. – Кофе или травяной сбор?

Маруся отвернулась от окна и направилась к столу.

– Кофе. И то же огромное сладкое безобразие, которое лопают наша прекрасная леди.

– Мням-мням, – подтвердила Гор.

– Мням-мням, – скривился Иму, изучая останки. – Шеф, какого змия это делаем мы, а не Киборг? Она трупы получше нашего анализирует.

– До нее мы тоже работали, – сухо ответил за Лика Клеомен.

Аниото недовольно вздохнул и перевел взгляд на небо. Булочка погоду устроила чудеснейшую. Самое то нежиться вдвоем под ультрафиолетом на берегу океана и слушать прибой. Но Ярослава разве убедишь, что в этом счастье? Нет! Болото, трупы и три полуголых босых мужика копаются в грязи. Иму вспомнил грудь Горицы и еще раз недовольно вздохнул.

Подчиненных бог слушал вполуха, он сидел на корточках, все его внимание занимало маниту погребенного. Яркий сильный отзвук ушедшего лугару. Зверь все еще беззвучно рычал и скалился, занятый своей последней битвой. Совсем юный мальчишка, но в бою он стоил десятерых своих сородичей.

– Что скажете?

– Пацан. Мелкий. Лугару, – с паузами прошипел Иму. – У него все кости раздроблены, и это при жизни. Жуткая смерть. Для ребенка тем более...

– Он не считал себя ребенком, – перебил аниото Клеомен. – Он считал себя воином.

– Это ты как вычислил?

Клеомен присел рядом с изувеченным черепом и указал на посеребренный левый клык.

– В южных землях до сих пор процветает традиция отмечать вожака.

– Южные, говоришь, – пробормотал Лик. – Что ж. Знакомьтесь, Совуль Ле-Вилантри.

– Здравствуй, брат, – мягко, уважительно обратился Иму к погребенному.

Маниту заколебалось и откликнулось на зов сильного воина.

– Реагирует. – Клеомен спрыгнул с погрузочной платформы в болото, взмахнул хвостом и окружил могилу пламенным кольцом. – Попробую его пробудить.

– Давай, – одобрил Ликург.

Черт переступил с ноги на ногу, породив неприятный чавкающий звук. Если бы не ковер из мха да припекающий стараниями Горицы желтый карлик, топтаться босиком в одних брюках в здешних местах было бы делом исключительно отвратительным. Клеомен ударил хвостом во второй раз, и пламя усилилось. Однако маниту Совуля не отреагировало на стук.

– Иму, позови его еще раз.

Леопард смерил черта недовольным взглядом, но отказываться не стал.

– Остановись. Бой окончен.

Над болотами пронесся оглушительный безмолвный вой. Клеомену с трудом удалось удержать маниту мальчишки в кольце. Силой он и впрямь отличался немалой для оборотня его возраста.

– Готово! – крикнул черт, как только первый шок от пробуждения прошел.

Лик кивнул и прыгнул в кольцо.

Водоворот эмоций и пережитых впечатлений подхватил Эйдолона. Это не были воспоминания в привычном понимании. Это был хаос из всплесков и падений силы юного Ле-Вилантри. Все, что когда-то запечатала его кровь при жизни. Попытаться разобраться в такой мешанине мог себе позволить только опытный психолог. Новичку, а тем более дилетанту грозила неминуемая смерть – требовалось не только услышать чужое маниту, но и держать под контролем свое. Опасная, редкая и востребованная профессия.

– Больше не могу, – спустя некоторое время прошептал Клеомен.

Иму встрепенулся:

– Тогда отпускаяй. Хватит мучить мальчика. Он без того на-терпелся.

Черт выдохнул, погасил пламя и едва устоял на ногах от усталости. Получив долгожданную свободу, маниту Совуля вспыхнуло и растворилось в окружающем мире. Часть энергии осталась на планете, а часть унеслась бродить по Вселенной.

– Давайте ваши лапы, господа, – с усмешкой проговорил леопард. – Выглядите вы один хуже другого.

Иму втащил коллег на платформу и осторожно уложил обоих рядом с останками.

– Говорил же, от Киборга проку больше.

– Я думал, ты ее не любишь, – прошептал Клеомен.

Лик сипло рассмеялся. Помимо Руси, аниото был един-

ственным, кто не догадывался, что давно привязался к ведьме так же, как и ко всем остальным.

– Нельзя ее сейчас трогать. Она вчера ослабла настолько, что впустила отголоски чужого маниту.

– Это плохо, – согласился черт.

– И что прочла?

– Двадцать три, отомкни. Их прятали, они прятались, все спрятались, надежно спрятались. Никого не видно, никого не слышно. Двадцать три могилы и тридцать три жизни. Чужие сосуды и свои. Все спрятались, – процитировал Эйдолон.

– Кто-то пробужденный и закрытый. – Клеомен повернул голову и посмотрел на шефа. – Двадцать три могилы – это мы видим. Плюс еще десять жизней и «чужие сосуды». Я не соображаю пока, не могу вспомнить, сколько там ведьм и ведьмаков с сосудами в списке?

– Сосуды не указаны, но ведьмовского отродья десятков ровно. – Иму внимательно оглядел окрестности.

– Я тоже чую, – прошептал едва слышно Лик. – Но создание по краю проходит и исчезает. Ночью он был.

– Знакомый запах. – Леопард прислушался к внутренним ощущениям. – Все. Ушел.

– Я тоже решил, что речь о десяти сосудах. Меня смущает, что она не назвала сосуды умершими. Она сказала «двадцать три могилы и тридцать три жизни». Малыш Ле-Вилантри первый, кого мы вытащили, и он за эти годы так и не растворился, оставаясь цельной формой. И это результат ра-

боты магии аптекарей, хотя вы, конечно, не услышите.

– Что-то удалось разобрать в энергии малыша? – Иму с тревогой смотрел на друга.

– Немного. Одинокий. Злой. С «Домом отдыха дорогих гостей» у него связаны только положительные воспоминания, вся жизнь до обители Арно покрыта болью и мраком.

Ни черт, ни леопард не смогли скрыть удивления.

– И еще гордыня. Он здесь был не отверженным, а уверенным в себе, сильным бойцом. Думаю, его учили им быть, восстанавливали после пережитых ужасов детства. В своем последнем сражении он уложил не одного противника.

– То есть тут должна быть еще куча трупов? – свистнул Иму.

– Не должна, но была. У Арно система защиты не позволяла подопечным покидать эти болота. Полагаю, наши предшественники не смогли вывезти все тела.

– Если сами не были этими телами, – добавил Клеомен.

– Мне тоже мысль перспективной видится, – согласился Лик.

– Намек понял. – Иму спрыгнул с платформы и потянул ее вместе со всем содержимым к следующей могиле. – Будем выяснять эмоции остальных счастливых детей, рассеивать и упаковывать.

Маруся вздрогнула от громкого отчаянного воя, огласившего холл. Они втроем стояли на лестнице и наблюдали, как,

сверкая гневным взглядом, к ним спешит водяной. За ним следом вприпрыжку скакала пери, и последним медленно плелся тэнгу.

– Вот это компания! – восхитилась Руся. – Ни разу не видела тэнгу так близко. Громила!

– Не то слово, – прошептала Горица.

– Что это?! – негодовал Тварь. – Вы что тут за пляж устроили?!

Пери за спиной водяного поморщилась. Визгливый голос неприятно резал слух.

– Ты! – Тварь ткнул пальцем в Горицу. – Отвечай, кто меня заблокировал? Какого змия я не могу вернуть туман? Силенок берегини мало, чтоб мне перечить.

Русалка от неожиданности отклонилась назад и растерянно рассматривала указующий перст.

– Послушайте, – примирительно начала Мос, однако закончить мысль Руся ей не дала.

– Можно, я ему палец сломаю?

– Можно! – очнулась оскорбленная Горица.

Руся удовлетворенно кивнула и забормотала сложный разговор.

– Эй! Эй! – Мосвен зажала ведьме рот ладонью и оскалилась на русалку. – Сдурели?!

Тварь, мгновенно растерявший весь пыл, побледнел и поспешно спрятал обе руки за спину, а когда оскал адресовали ему, еще и отпрянул.

– Вы намеренно мешаете работе сотрудников уголовной полиции?

– Нет! Вы не понимаете. Я работаю над историей о замученных, убитых детях. Я с таким трудом выбил разрешение на съемки...

– И было бы неплохо показать документы, которые у вас есть, – прервала водяного Мос.

Тварь возмущенно фыркнул, развернулся и пошел к выходу. Пери и тэнгу молчаливыми тенями последовали за командиром.

– Как-то странно, – проговорила задумчиво Горица, когда за работниками развлекательной индустрии закрылась тяжелая деревянная дверь. – Вам не кажется?

– Кажется, – кивнула Мос. – Поэтому шеф и отправил нас после завтрака тихонько и очень случайно оглядеться в комнатах на первом этаже.

– Хорошо, – обрадовалась Руся и решительно сбежала по лестнице вниз. – Это я могу. Пошли.

– Направо, – скомандовала кошка.

Горица засеменила за подругами.

– В смысле – «хорошо»? Мы в чужие комнаты собираемся залезть?

Тембр голоса получился слишком высоким и детским, что расстроило русалку только сильнее. Сначала Тварь Болотная со своими претензиями. Как будто кто-то вспоминал о нем и его силах. Теперь незаконное проникновение. Да, дом

в реестре Интерпола, но любой правовед накроет их восьмым разделом внутреннего устава. Даже местный гражданский кодекс или закон о правовом положении иностранцев открывать не придется.

– Никто не узнает, – успокоила Горицу Мосвен.

– Никто-о, – протянула излишне весело Руся.

Берегиня с сомнением оглядела спины двух «честных» сотрудниц Интерпола. Маруся-то ее не удивила. Для госпожи Козловой любой закон – незначительная рекомендация. Ее удивила Мос. Та самая правильная любимица Сешат, которая могла при желании работать в разведке.

– Сюда. – Кошка остановилась перед деревянной дверью, украшенной замысловатой резьбой. – «Ядовитый плющ» – комната Твари. В «Лотосе» поселилась пери Махтаб. В «Тыкве» – тэнгу.

– К мужественной Золушке заглянем в последнюю очередь, – усмехнулась Руся. Она приложила ладонь к двери, и та легко отворилась, словно хозяин апартаментов ее не запирает. Так, собственно, ведьма и объяснила коллегам свое взаимодействие с магией аптекарей.

– Вдвойне странно, – прокомментировала Горица, заглянув в апартаменты из коридора. Не ощущала она в этом доме свежей, струящейся влаги. Пугающая, враждебная среда – вот истинный лик обители сумасшедшего мага.

Пока Маруся и Мосвен занимались исполнением приказа, берегиня осторожно изучала окружающее пространство.

Планировка была предельно простой: одно большое помещение, отведенное под спальню, один рабочий кабинет и ванная комната. Посреди спальни, как в апартаментах на втором этаже, стояла огромная кровать с балдахином. Высокий потолок украшала сложная оживающая роспись плюща. В рабочей комнате в деревянных массивных шкафах хранились книги и тетради, на столе стояла старая персональная станция. Маруся ее нежно «раритетной железочкой» обозвала и едва ли не обниматься полезла. Мос пришлось некоторые усилия приложить, чтоб вернуть ведьму в реальность.

Ванную Горица оставила напоследок. В других комнатах не обитало нужного количества воды, а вот в ванной ее было достаточно для минимальной беседы.

– Здесь никого не было уже больше года! – крикнула она.

– Ни личных вещей, ни следов маниту, – подтвердила Руся.

Осмотр «Лотоса» и «Тыквы» привел к тому же результату.

– Не понимаю. – Мос, расположившись на подоконнике в коридоре, копалась в планшете. – Даты заселения свежие. Комнаты заняты.

– Не против, если я посыл активирую? – прошептала Горица. – На всякий случай.

– Давай, – согласилась Маруся. – Твое царство. В этом плане ты сейчас самая...

Договорить ведьме не позволили.

– Двадцать три, двадцать три, – пропел дом мелодичным

женским голосом. — Двадцать три. Отомкни.

Горица сама не поняла, как схватила Марусю за руку и прижалась спиной к ногам Мосвен. Связав себя частично с сущностью леопарда, Мос повела ушами.

— Все спрятались. Мы спрятались, — голос больше не принадлежал дому. В дальнем конце коридора собралась влажная дымка, из нее выглянуло худое измученное девичье личико. Тонкая шея и ключицы, выпачканные грязью, на простой серой майке отчетливо виднелись пятна запекшейся крови.

— Мы спрятались. Они не прятались, — закончила девушка и исчезла.

— Иму, — пискнула Горица, взяла обеих своих спутниц за руки и помчалась на улицу, подальше от проклятых стен.

— Вот это скорость! — искренне восхитился Зверобой, когда троица с разбегу чуть не сшибла его в дверях. — Куда спешим?

Берегиня обогнула возникшее препятствие и продолжила бежать.

— К Иму, — серьезно сообщила Маруся.

— Зачем? — Иного выбора, кроме как побежать рядом, у черта не было.

Мос сердито зашипела и ткнула пальцем в Горицу.

— У нее спрашивай.

— Мы испугались. — Руся вдруг вспомнила, каково попасть с корабля на бал, поэтому решила проявить вежливость. — У

нас тут нерассеянное маниту девочки в доме с нами говорило. Поэтому Горица решила, что надо бежать.

– За вас тоже решила?

– Да, – радостно заулыбалась Маруся. – Как дела?

– Неплохо, в целом. – Зверобоя понравился теплый прием. Беседовать на бегу было неудобно, но мягкого, сексуального очарования собеседницы хватало, чтобы позабыть о неудобствах.

Иму примчался на зов, поймал русалку и заключил в объятия.

– Что такое?

– Что? – вторили леопарду подоспевшие Ликург и Клеомен.

Маруся с Мосвен переглянулись.

– Твоя очередь, – кивнула ведьма. Кошка пожала плечами, повернулась к команде и коротко, сухо изложила суть дела.

Лик слушал подчиненную вполуха. Перешептывания Рыжика и Зверобоя занимали его не меньше, чем описание маниту девочки. Парочка выглядела чересчур счастливой, а диалог интимным.

– Тебе уже лучше? – шептала Маруся, щурясь на свету.

– Определенно, – отвечал черт, явно любуясь рыжим носом. – Чем занимаемся?

– Тебе тоже не сообщили, – огорчилась она и потянулась губами к его уху.

– Клеомен! – скомандовал поспешно Ликург, стараясь

унять злость. – Введи Зверобоя в курс дела. Козлова!

Маруся аж подпрыгнула. Во-первых, ее таким тоном баба Беря в юности подзывала, после того, как она решила самостоятельно позаниматься практикой природных катастроф. Во-вторых, Лик ее по фамилии не величал уже давно. Всегда было ласковое «Рыжик». Она растерянно уставилась на начальство.

Растерянно и преданно. Лик тяжело вздохнул. Что произошло, она, само собой, не поняла. Зато Зверобой понял. Глаза хитреца светились упрямым любопытством.

– Козлова за мной в дом. Остальные продолжают с Иму. Иму, ты за главного.

– Не вопрос, – кивнул аниото. – Пройдемте, господа ищейки. Давно в грязи ковырялись?

Руся повернулась и побежала вслед за сердитым шефом обратно к главным воротам. Ступив на подъездную дорогу, Ликург резко остановился, и Маруся со всего размаху врезалась в его спину.

– Ой, – прошептала она и отпрянула. Было в его движениях что-то пугающее и незнакомое.

Медленно, плавно бог повернулся. В белых, сверкающих глазах легко читалась ярость. Он собрался что-то произнести, но передумал. Сжал челюсти, развернулся и снова направился к дому.

– Я что-то не так сделала? – Маруся опять была вынуждена перейти на бег.

– Все так, – огрызнулось божество. По обнаженной спине и плечам начали пробегать электрические заряды.

– А почему вы... Ты. – Руся перевела дыхание. – Почему ты злишься?

– Я не злюсь! – свирепо прошипел Ликург. С его правой ладони сорвалась молния и ушла в землю.

Маруся сначала испугалась, но потом решила, что это уже как-то чересчур. Она обогнала бешеное создание и встала у него на пути. Так было еще страшнее, но не прятаться же.

– Отойди.

Руся упрямо сжала губы и отрицательно покачала головой. Второй раз повторять Лик не стал, он просто взял ее за талию, приподнял и отставил в сторону.

– Блин, – шепотом вспомнила детское ругательство Руся. Не хочет по-хорошему, – будет по-плохому. Даром что ли ведьма? Она решительно пошевелила носом, снова обогнала шефа, но на этот раз не стала перекрывать ему дорогу. Вместо этого Маруся приподнялась на цыпочки и поцеловала Лика в губы. Поцелуй вышел так себе, зато действие возымел, ну или почти возымел. Шеф замер.

Руся чуть отстранилась и попыталась оценить результат своего спонтанного эксперимента.

– Веди к ребенку, – со вздохом после паузы произнес Лик.

Маруся кивнула, взяла его за руку и потянула за собой в дом.

Конечно же, Рыжик и здесь все неверно поняла. Раненая

девчонка решила, будто он на нее злится. Нет. Лик злился на себя, на свои эмоции и, в основном, на свою неспособность с этими эмоциями справиться. Сам того не желая, он снова причинил ей боль. И с каждым новым вопросом злость росла. В итоге она поступила так, как часто поступают виноватые дети, – в стремлении не потерять любовь старшего, пытаются приласкаться. Придется не только объяснить, но еще и хитрость проявить.

– Рыжик, – тихо начал Лик. – Вчера вечером я тебе сказал, что люблю. Ты меня не отвергала и сегодня заигрываешь с другим. Я не злился на тебя, я злился на ситуацию в целом.

Она замерла и обернулась. Медные брови приподнялись, а губы приоткрылись в немом удивлении.

– Когда проникаешь в физическое излучение маниту живого создания, ты претендуешь на близкие отношения. Зверобой проникает в твое, потому что претендует на близкие отношения с женщиной, а не с другом. Отвечая, ты погружаешь его в эмоциональную зависимость от вероятности получить желаемое.

Рыжик попыталась что-то произнести, но не смогла. Вздохнула только тяжело.

Лик улыбнулся и подергал кудрявую прядь.

– Так и будем на пороге стоять?

– Да, – спохватилась она. – То есть нет! В смысле, стоять не будем.

Не без удовольствия, Лик отметил смущение на курносом

лице и попытку спрятаться за работой.

– Вон там, – на бегу Руся указала на противоположный конец коридора. – А что насчет Твари и его сопровождающих?

– С ними все просто. Два года назад я лично собирал для Ярослава данные о пери Махтаб из рода Рудабе.

– Рудабе? – прошептала с недоверием Рыжик. – Те самые Рудабе?

– Те самые, – кивнул Лик, внимательно осматривая место явления ребенка. – Имел честь познакомиться с несколькими поколениями очаровательных дам.

– Очаровательных? – Маруся снова засомневалась в словах шефа. Женщины в этой семье с незапамятных времен жили, опираясь на свой собственный, уникальный родовой свод правил. Знатная, могущественная, богатая семья, полностью пересмотревшая традиционные взгляды на роль мужчины в доме. По мнению представительниц рода Рудабе, противоположный пол годился лишь для зачатия, для секса и для тяжелой работы. Баба Беря, с ее склонностью к страстной любви, спонтанным замужествам, независимости и «очаровательным мужчинам», до глубины души не понимала такого отношения «к нежной женской натуре».

– Если им нужно, они могут быть очаровательны. – Лик присел и приложил ладонь к паркету. Коридор в этом месте заканчивался стеной с милым деревенским пейзажем. Ближайшая дверь, ведущая в комнату, была позади в трех

метрах, окна рядом тоже не было, а сквозняк возле пола ощущался сильный. – Но ты права. Махтаб в семье была не самым любимым ребенком. Проявила излишнюю самостоятельность. Учебу бросила, замуж вышла. Работу по душе сама себе нашла, мальчишку родила и вдруг исчезла. Муж ее, бывший подопечный Ярослава, был уверен, что Махтаб родня похитила. Ярослав делом занимался лично и по личной же инициативе. Мне сообщил, что пери так и не нашел.

Руся, нахмурившись, наблюдала за действиями руководителя. Он зачем-то встал на четвереньки и начал по паркетным доскам костяшками пальцев постукивать.

– Она – оператор, – добавил Лик, то и дело прислушиваясь к звуку ударов. – Я не всю информацию о ней искал, только в заданных Ярославом направлениях двигался. Так что точно сказать, работала ли она на Тварь, не смогу. Это первое. Второе – мы успели развеять несколько ребят. Только двое знали друг о друге, остальные были привязаны к тем, кого мы еще не вытащили. При этом о существовании иных групп, кроме своих, они не знали. Догадываешься, что спросить хочу?

– Да, – Руся кивнула. Теперь она пребывала в шоке от иного открытия. – Самой мне о таком читать никто не позволил бы, ступень не та, но баба Беря рассказывала. Есть у аптекарей технология расслоения реальности. Пугающая вещь и жутко сложная. Ею никто не пользуется...

Руся с надрывом вздохнула. Голова вдруг закружилась, и стало подташнивать. Она сделала пару шагов до стены и, ед-

ва не сбив затылком картину, оперлась о прохладную гладкую поверхность спиной.

– Там вроде как сначала систему собрать под конкретную задачу надо, потом обучить, потом протестировать. Это все занимает уйму времени и сил. У мага нет столько сил.

– Значит, расслоение реальности, – задумчиво проговорил Лик. – Занятно. И третье, Рыжик. Только не пугайся. У нас нет возможности отсюда уехать. Мы с Иму утром прогулялись по окрестностям. Телепорта, к сожалению, на месте нет.

Не пугаться? Маруся пискнула и начала медленно сползать по стене.

– Он собрал их две...

Лик прервался и с тревогой взглянул на ведьму.

– Одна занималась детьми, вторую подключил к щиту.

– Эй. – Ликург сел рядом со своим беспомощным перепуганным Рыжиком. – Не переживай так.

Маруся всхлипнула и оперлась лбом о его плечо.

– Это я сказала, что дом безопасен.

– Ну, он и вправду не опа... – Эйдолон сощурился и пригляделся к трем светлым дощечкам в полу рядом с попой Рыжика. – Не опасен. Он всего лишь защищается. Пойдем-ка к остальным.

Лик встал сам и поднял Марусю.

Гуниду сидел на спине мушруша, скрестив ноги, и с

нескрываемым любопытством наблюдал за тремя группами созданий. Первая тройка – Тварь и двое его подчиненных – почти два года бродили по этим болотам. Вторым слоем шла пятерка незадачливых сотрудников МУП. В сети своей новой реальности они попали около часа назад и еще не знали об этом. Зато знали остальные трое «4А5». У Маруси, Ликурга и Шута вышла своя собственная реальность.

Дингир подпер щеку кулаком и с улыбкой залюбовался плавным, грациозным покачиванием бедер ведьмы. Очаровательное создание с любого ракурса. Она была явно растеряна и напугана. Видимо, поэтому не выпускала руки Эйдолона.

– Эй, – окликнул Гуниду, когда бог с ведьмой остановились в паре метров от мушруша.

Шут с трудом выглянул из облака и уставился немигающим взглядом на сына Гулы.

– Хочешь ко мне?

Безумец усмехнулся и вновь растворился в носителе. Дингир поморщился. Оправдались самые худшие его опасения. Не так давно Гуниду общался с Эйдолоном, и Шут тогда был всего лишь заложником. Теперь сосуд изменил свою структуру, став связующим звеном двух разных маниту. Вслед за Шутом на гиену взглянула Маруся.

– Змий его сожги, – прошептал недовольно Эйдолон, когда блуждания по болотам в поисках команды не дали ре-

зультата. Все исчезли: Горица, Иму, Мосвен, Клеомен и Зверобой.

Маруся руку шефа не выпускала с тех пор, как они покинули дом. На всякий случай. Так было надежнее. Лучше прослыть трусихой, чем остаться один на один с этим жутким местом.

– Ну-ка, Рыжик, расскажи, что знаешь про дом и расслоение. Предположениями тоже поделись.

Лик сжал ладонь ведьмы крепче и направился к дому.

Руся кашлянула и попыталась собрать мысли воедино:

– Ну... Теоретически, мы все живем и блуждаем тут, только не воспринимаем друг друга. Наше зрение и слух несовершенны. Мы ведь не видим мир вокруг, мы видим свет, точнее, излучение видимого спектра. Все предметы в пространстве расставляет наш мозг. Достаточно изменить свет, чтобы спрятать даже очень большой объект. То же самое со слухом. Звуковые волны можно менять или отражать.

– Я их чувствую, – согласился Лик. – Они рядом.

– Извините, не очень умею воспринимать маниту, – виновато проямлила Руся.

– Неважно. Еще что скажешь?

Маруся на секунду задумалась.

– Я бы предположила, что можно на предметы наткаться и наощупь проверять – живое или неживое. Вон те заросли, к примеру, – она кивнула на колючие кусты, мимо которых вела узкая тропа. – Я бы так и прятала.

Лик усмехнулся. От зарослей разило холодной хищной тварью. Разумным существом не веяло. Если кто и прятался в колючках, то змея, не иначе.

Руся поняла, что шеф к ее словам отнесся скептически, и тем не менее, проходя мимо, сначала внимательно взглянула на кусты, затем выпустила руку Лика и пошла прямо в заросли.

– Привет, – улыбнулся гиена. Ведьма вскрикнула и попыталась освободиться из объятий сумасшедшего бога. Мушруш, не готовый к новым наездникам, взвыл и встал на дыбы. Хозяин зверя и его новая спутница оказались на мокрой холодной земле. Точнее, Дингир лежал на земле, а Маруся – на нем.

– Стоило догадаться, что вчера почувствовал след твоего маниту, – сдержанно проговорил Лик. Он подхватил Рыжика и поставил ее позади себя.

– Мог бы дать поддержать, – равнодушно ответил Гуниду.

– Что ты тут делаешь? – не обратил внимания на его слова Эйдолон.

Дингир устало вздохнул и поднялся.

– Ровным счетом ничего. Отдыхаю. Здесь тихо. Никто не суется. Старый охотничий домик вечно пустует.

Гиена постарался отряхнуть с одежды воду, налипший мусор и мох.

– Красота! Была, – недовольно закончил он. – Теперь охранный комплекс меня к опасным субъектам причислит.

Дингир оглянулся.

– Ну, точно. Только что всех видел. Теперь даже Желтопузика не вижу.

Услышав кличку мушруша, Руся высунулась из-за спины шефа и уставилась удивленно на гиену. Из нимфы кровожадную охотницу жестокую сделал, людей не жалел, а монстра с крокодилей пастью нежно Желтопузиком зовет? Псих!

– Из неопасных перешел в разряд особо опасных. – Дингир устало вздохнул и снова приветливо улыбнулся Марусе. – Давно не виделись. Как дела?

– Н... Это, – опешила ведьма. – Н. Ырмально. Нормально то есть.

Лик с удивлением и насмешкой изучал выражение лица Дингира.

– Секунду подожди. Я извиниться хочу, – ответил гиена на взгляд Эйдолона, затем вернулся к Русе. – Мадемуазель, простите меня?

– За что? – невнятно пробубнила Козлова в спину начальника.

– За излишнюю агрессию и назойливость. Я не сумасшедший. У меня просто со всеми пороговыми запретами беда. В основном с эмоциональными. В планы входило немножко этим рыжим носом воспользоваться, и все. Вреда точно бы не причинил.

Гуниду прищурился и перевел насмешливый взгляд на Эйдолона. Ликург об истинных намерениях Дингира отно-

сительно Маруси был осведомлен, но ей, кажется, сообщить не потрудился.

– Она знает, – Лик угрожающе нахмурился. Гиена был последним созданием, которому он бы взялся объяснять, что у Рыжика память своеобразная. – Часто здесь бывал?

– Часто, – не стал спорить Гуниду. – Но о доме мало что знаю. У нас был взаимный нейтралитет. Я не интересуюсь магией Арно. Она не обращает внимания на меня.

– Хочешь сказать, тебя никогда не увлекали эксперименты старика?

Дингир рассмеялся.

– Шутишь? Планы порабощения людей, созданий и обоих миров – не мое. Скука смертная!

– Пойдем, – Лик развернулся и увлек за собой Козлову.

– Я с вами. – Гуниду поравнялся с Марусей. Эйдолон, само собой, тут же оказался между гиеной и ведьмой. Не то чтобы Дингир серьезно рассчитывал идти рядом с ней, но попробовать стоило.

– Раз выбора нет, полюбопытствую. Плюс, нечто полезное для вас, возможно, все же знаю. – Гуниду оскалился в ответ на угрожающий взгляд Лика.

– Что? – рассеянно откликнулась Руся. Идти рядом с опасным богом шеф ей не позволил, но говорить-то не запретил.

– Например, что вас не разделить. Сосуд соединил два маниту воедино. Созданиям попроще такое не заметить, а вот

мне и здешней охране очевидно: вас не расслоить. Еще знаю, что пытаться вытягивать остальных членов группы бесполезно. Трата времени...

– Думаю, систему давно не обучали, – прервала Руся Гуниду. – Отсюда такая неэффективность.

– Аптекарь? – удивился гиена.

– Ученик, – озадачилась Руся.

– И тут успел знания приобрести, – сощурился Лик.

Дингир пожал плечами. Эйдолону категорически не нравилось его присутствие, но Гуниду это мало волновало. Теперь, когда он вынужденно оказался втянут в новое дело экспериментальной группы Атума, можно было дать волю природному любопытству. Поместье хранило немало опасных тайн. Гиена относительно пороговых запретов не врал – чувство самосохранения срабатывало через раз.

Лик не слишком обрадовался новому спутнику, но он был не в том положении, чтобы выбирать. Дингир не отличался устойчивой психикой, зато обладал определенной уникальной логикой, в рамках которой и действовал. Иными словами, опасность им с Марусей не грозила. И даже больше. Гиена без раздумий бросится спасать того, кто ему интересен или кого он уважает. Козлова как раз была в списке любопытных Дингиру созданий.

Троица поднялась по ступеням и вошла в дом.

– Неплохо, – протянул Гуниду, окинув оценивающим взглядом окружающую обстановку. – Хотя и скучно.

– Почему скучно? – Руся выглянула из-за шефа. В прошлый раз, когда она виделась с богом древнейшей крови, он пугал, теперь вызывал любопытство.

– Слишком вычурно, – пояснил с готовностью Гуниду. – Излишняя помпезность свойственна молодым и сильным семьям. Знаешь, как говорят? Сила есть...

– Ума не надо? – продолжила Руся.

Дингир рассмеялся.

– Именно.

– А почему тебя система от нас не отделяет? – прыгнула ведьма на новую тему. Лик усмехнулся, краем глаза зацепив удивление на лице Гуниду. Рыжика нельзя лишить страха только наполовину. Она женщина крайностей и непредсказуемых вольностей. Перешел на неформальное общение, показал себя безобидным человечком – не жди от нее уважительного тона.

Реакция Эйдолона от Гуниду не ускользнула.

– А ты спроси у своего суженого.

Руся перевела удивленный взгляд на шефа.

– Попросил Шута зацепить его, – пожал плечами Лик. – Пригодится. Мы пришли. – Он резко опустил на колени и по очереди надавил на три светлые дощечки, что заметил в паркете ранее. Ни его спутники, ни система защиты дома не успели отреагировать. Раздался щелчок, и с тихим шипением открылся потайной люк в полу.

– Впечатляюще, – скептически проговорил Гуниду.

Руся, как в тумане, наблюдала за действиями Лика. Когда он вдруг резко присел, она испугалась. И это был не обоснованный страх, а женское безотчетное «а вдруг с ним что плохое случилось». Руся в жизни такого не испытывала. О существовании подобных эмоций от бабы Бери не раз слышала, но сама никогда за мужчину без причины не боялась. Собственные чувства поразили ведьму до глубины души, породив новое диво. Вслед за страхом пришло некое подобие прозрения. Во всяком случае, именно так Маруся ощутила перемену в себе. Она увидела темную голову и широкие плечи. Под загорелой кожей на спине и руках проступали напряженные мышцы. Ее вдруг увлекли очертания лопаток и изгиб позвоночника. Руся замерла, пытаясь вспомнить, слышала ли она хоть раз, чтобы женщину пленяли очертания мужского скелета.

В воздухе за спиной Лика проявилось лицо Шута. Он хитро сощурился, улыбнулся и вновь пропал.

– Пойдем, – шеф встал, не глядя взял ее за руку и потянул за собой вниз. Руся молча последовала за ним. Она не задумалась, куда идет и зачем. Важно было только то, за кем она идет.

«Рыжик, как думаешь, я привлекательный?»

Руся нахмурилась, вспомнив странный вопрос. Разве не задавал он его другим женщинам? Разве не говорили они ему о его мягкой улыбке, которую он дарит только близким созданиям? Не рассказывали о вопиющей и несносной при-

вычке брать ответственность за каждого встречного? Или про то, как много могут выразить его глаза? Или о его бесконечном терпении? Или не столько им был важен он сам, сколько его внешность и божественность?

– Почему зелье доставала я, а не она? – прошептала беззвучно Руся. И это было новое открытие. Почему нимфа тогда не позаботилась о Лике?

– Ты чего там губами шевелишь? – выдернул Дингир спутницу из размышлений. Руся вздрогнула и наконец сосредоточилась на окружающей реальности.

Они втроем шли по хорошо освещенному коридору. Окон не было. Лестница, по которой они спустились, осталась позади, как и вся архитектурная вычурность. Голые беленые стены и потолок, простой деревянный пол.

– Мы в подвале, Рыжик, – мягко ответил на невысказанный вопрос Лик. Чтобы понять, что с ней творится, ему даже оборачиваться не пришлось. Пальцы в его ладони вздрогнули и похолодели.

– Рыжик, – усмехнулся Дингир и тут же был удостоен тяжелого взгляда Эйдолона. Гуниду примирительно продемонстрировал пустые ладони. Меньше всего ему хотелось ссориться с занятой парочкой. И ведьма, и бог вызывали искреннюю симпатию. Или любопытство. Гуниду не всегда мог отличить одну свою эмоцию от другой. Гиена нарочито внимательно уставился на яркий след, оставленный юным маниту. Именно по нему шел Ликург.

След вывел троицу в просторный пустой зал.

– Чувствуешь? – Лик сбросил маску и засиял. Гуниду точно так же осветил пространство вокруг себя.

– Шутишь? Еще бы. Как будто сквозь барьер прошли.

Маруся тоже поняла, о чем речь идет. Да и как не понять, когда дело ее стихии касалось? Всю залу действительно будто барьер окутывал. Прошли они сквозь него и очутились в самом сердце сложной разветвленной системы. И сердце пульсировало. Руся запела, настраивая пыль на нужный лад. Наступило одно из тех мгновений, когда она не имела права быть невнимательной или безалаберной. Сбросив сумку на пол и воспарив в пространстве, она отключила биологические рецепторы и охватила оба источника силы: родной и чуждый. Чтобы видеть шире и глубже, чтобы слышать все частоты, ей требовалась энергия. И как только она настроилась, зал преобразился.

В центре, среди колонн силы стояла капсула. От нее ветвями расходились потоки и пронизывали, окутывали дом, прилегающую территорию, болота. Энергия в глубине потоков и колонн уже давно прекратила здоровое размеренное бие. Пульсация стала прерывистой, тяжелой. Гениальная инженерная мысль аптекарей состарилась без должного ухода и дышала на ладан.

Маруся подлетела и опустилась на пол рядом с капсулой. Это был источник, который когда-то давно Арно заключил в оковы летаргии и установил здесь, дабы питать нервную

систему дома.

«Это феникс», – прошептала Руся в умах богов.

Гуниду отреагировал откровенным восхищением и любопытством. Дингир не только с готовностью стал источником силы для ведьмы, но и телепатию как должное принял. Лик же забеспокоился. Его прежде всего волновала безопасность его Рыжика. Маруся улыбнулась.

«Я справлюсь», – уверенно подытожила она.

Без сожалений и колебаний Руся объединила свои знания с чистой удвоенной энергией Вселенной и разбила капсулу. Окажись в летаргии у системы любое иное создание, она бы побоялась навредить, или хуже того, убить, но феникс – редкое и уникальное воплощение вечности. Они неуязвимы, смерть приходит к ним только тогда, когда они сами того пожелают, а значит, навредить простым разрушением Руся не могла.

Дом вздохнул в последний раз и затих.

Лик успел добежать до Рыжика и подхватить ее до того, как она упадет. Потеряв контроль, пыль взвилась в воздух и тут же осыпалась, покрыв все вокруг тончайшим серебристым слоем. Ликург осторожно прижал к груди бесчувственное тело Рыжика. Шут за спиной тоже признаков жизни не подавал.

– С ней все в порядке. – Дингир дошел до разбитой капсулы и с любопытством заглянул внутрь. – Я имею виду твою Марусю. Хотя и со второй тоже ничего страшного.

Гуниду вытащил спящую огненную деву.

– Ты когда-нибудь видел Жар-Птицу?

Лик отрицательно покачал головой, отошел в сторону, присел на пол и начал поглаживать Русю по щеке.

– Девочка моя, – ласково шептал он. – Я же просил...

– А я видел. Не эту конкретно, но они все создания глубоко неприятные. Будить не советую. Лучше уж со змием связаться.

– Могу познакомить, – простонала Руся, приоткрыв глаза.

– Да? – Гуниду оторвался от созерцания золотых переливов на коже феникса. – С Вуколой?

– С ним, – ответил за подчиненную Ликург. Он снова бережно приподнял Марусю. – Пойдем.

– Поздно. Мы с ним уже знакомы. Зато теперь понятно, откуда в ней это потрясающее отсутствие страха перед сильными мира сего. Кабы я с огнедышащим рос, тоже бесстрашным вырос.

– Я не говорила, что с ним росла, – прошептала Руся.

– Опс! – Как будто сожаление, но в голосе Гуниду не было и намека на оное чувство. – Лишнего сболтнул.

В коридоре путь богам преградила юная волчица, что привела гостей в сердце дома. Маруся ее увидела, когда глаза открыла и голову повернула, чтоб понять, почему остановились. Теперь образ девушки стал отчетливее и больше не колебался. Многочисленные раны, порванная одежда и печальный одинокий взгляд. Волчица подплыла к Гуниду и взгля-

нула на спящего феникса.

– Тридцать три – столько нас было. Тридцать два – столько нас стало. Сосудов было только девять. Тридцать третья – она. – Волчица подняла глаза на Марусю. – Теперь я могу говорить прямо – за это спасибо. Но вы не закончили.

– Почему? – тихо спросила Руся.

– Найдите нас, – прошептала девушка, растворив свое маниту в стенах.

– Неординарно, – восхитился Дингир. – Нерассеянных, заключенных в клетку случайно или нарочно, я видел, но такое со мной впервые. Чтоб кто-то самостоятельно создал из маниту силовой аналог физического тела и управлял им. При этом я готов поклясться, что волчица мертвая.

Лик никак не прокомментировал слова гиены. Гуниду дернул плечом и пошел следом за Эйдолоном.

– Может, она не сама создала? – задумчиво проговорила Руся шефу в грудь.

– Может, – согласился Ликург.

Вообще, она вслух произносить не собиралась, случайно вышло.

На улице их встретило ласковое тепло желтого карлика. Казалось, не изменилось ровным счетом ничего. Если бы Руся не была учеником аптекаря, разницы она бы точно не уловила. Под рисунком хромотипии не ощущалось больше того мягкого покалывания и шевеления, каким проходила сквозь маниту магия старого шабаша.

– Я сама могу идти, – спохватилась Руся, когда ворота поместья остались позади. Только шеф ее рвения к самостоятельности не оценил.

– Лежи. Сама она...

– Так, – вмешался в диалог Гуниду. – Ваша братия сюда уже вон спешит. – Он кивнул на команду во главе с Иму, подкинул феникса и оставил ее парить над поверхностью болота. – А мне пора. Очень хотел бы пропустить процесс пробуждения Жар-Птицы. Пока-пока, Рыжик!

Дингир с улыбкой помахал Козловой и вскочил на спину подоспевшему Желтопузику.

– Догнать? – взвыл аниото издалека. Лик отрицательно покачал головой.

– Я мог бы догнать, – сокрушался Иму, нарезая круги по комнате. – Здесь точно безопасно?

– Точно, – подтвердил Ликург. – Она уничтожила систему полностью.

– Киборг, да ты герой у нас! – тут же съязвил аниото.

– От героя слышу, – огрызнулась невпопад Маруся. Все еще обессиленная, она сидела в кресле в углу комнаты и внимательно разглядывала распростертую на кровати девушку. Впрочем, феникс вызывала интерес у всех.

– Шеф, если все выйдут, мне будет проще и спокойнее, – оглянулся на сослуживцев Зверобой. Именно ему, как представителю пламенных созданий, досталась участь будильни-

ка. Клеомен, в силу пережитых событий, на эту роль пока не годился.

– А кто все тушить будет? – возмутилась Горица, когда взгляд черта сосредоточился на ней.

– Я без нее не пойду, – угрюмо пробубнил Иму.

Зверобой остановил внимание на Клеомене и молча возпросительно поднял брови.

– Нет! А если тебе пламени не хватит?

– Я без него не пойду. Не смотри на меня так, – виновато улыбнулась Мос.

– Издеваешься? – искренне удивился Лик, когда очередь добралась и до него.

Зверобой сердито уставился на Марусю. Вот уж кому в комнате точно делать нечего.

– Единорога тебе в... – начала было излагать мысль Руся, но сил закончить ответ в эмоциональном ключе не хватило, поэтому она продолжила спокойнее и тише. – Короче, я тут посижу. Мне еще пыль в подвале собирать.

– В упряжку единорога ему? – Аниото повеселел и скрывать этого не собирався.

– Змий с вами! – беспомощно воскликнул Зверобой. – Просто отойдите тогда.

Черт отодвинул членов группы к стенам, вернулся к кровати и на пару минут застыл в задумчивости. Сознаться, что нервничает, совсем не хотелось. Он летаргический сонто видел впервые, не то что феникса. Черт сощурился. Со-

всем щупленькая птица. Ростом не больше ста шестидесяти сантиметров, с тонкой талией и нежными изящными изгибами тела. Маленькую голову украшали чуть оттопыренные уши, густая пепельная шевелюра и кукольное личико с пепельными бровями и ресницами. Кожа отливала золотом. В обоих мирах не существовало ни одного достоверного изображения феникса. Птицы уничтожали любой намек на правдивый исторический документ, а его автора ослепляли или вовсе лишали жизни. Отчего-то этому роду из поколения в поколение хотелось жить в окружении домислов и легенд. Есть группа ученых, всерьез утверждающих, будто фениксов не существует и не существовало никогда. Даже доказательства своей теории имеют.

– Неспроста Дингир смылся, – прошептал беззвучно Зверобой. – Крыса всегда беду чувствует.

Он закрыл глаза и постарался настроиться на маниту феникса. Девушка почти не дышала, ее сердце билось настолько медленно, что уловить поток энергии в крови было крайне сложно. Наконец, Зверобой удалось зацепиться за теплое жидкое пламя. Он чуть подался вперед и впустил это пламя в себя, смешивая его с синим огнем своего маниту. Сердце феникса начало постепенно ускорять темп, одновременно пробуждая весь организм.

Зверобой открыл глаза. Языки ледяного пламени блуждали по его коже, запрыгивали на кровать и тяжелый балдахин, стремясь уничтожить все на своем пути, но замирали, стал-

киваясь с желтым, почти белым огненным потоком, поглотившим ту часть кровати, где лежала она. Феникс застонала, с трудом села и открыла глаза. Черт заворуженно уставился в светящиеся бесконечной силой озера.

Птица, в свою очередь, неотрывно смотрела в ледяные синие глаза незнакомца. Она никогда не думала сливаться силой с кем-либо, тем более с чертом. Сложно представить большую глупость, но опыт оказался на удивление приятным. За всю свою жизнь она впервые почувствовала холод, и это было так ново, так потрясающе необычно. Все еще заворуженная взглядом этих синих глаз, Харикон вспыхнула сильнее, медленно поднялась, приблизилась к черту и поцеловала его. Отныне это был ее мужчина, и его мнение роли не играло. Феникс все всегда решает сама.

Зверобой замер от неожиданности. Женщины всегда проявляли к нему интерес – дело было привычным. Непривычной была сама женщина, точнее, девушка. Поцелуй ее тоже был весьма необычным. Одарив его волной нежного тепла, разлившегося по всему телу, феникс вспыхнула ярче и резко погасла.

– Ох, благодарю! – устало всхлипнула берегиня. – На вас воды не напасешься.

Харикон нахмурилась и медленно оглядела шестерых незнакомцев. Бог, ведьма с печатями аптекаря и сосудом, черт, два кота и водная дева – несовместимая компания, однако ж в них ощущалось полное единение. И принадлежа-

щий ей черт входил в эту группу.

– Вы кто? – тихо спросила она.

И снова Зверобой замер. На этот раз мыслей его лишил хрипловатый глубокий голос.

– Ты защитник? – Феникс сосредоточилась на лице черта. Ее глаза изменили цвет, став черными, словно угли.

Зверобой согласно кивнул:

– Да. – Но тут же спохватился. – Что? Нет!

Все очарование птицы как рукой сняло. Он потух, вырвался из горячих объятий и отпрыгнул на добрых три шага.

– Защитник?! Я? – Черт обернулся к коллегам. – Что со всеми такое? Я похож на защитника?

Иму сначала прыснул, потом не выдержал и рассмеялся. Зверобой зло сощурился.

– Это не смешно!

– Какой странный. – Феникс спрыгнула с кровати и как была в одной полупрозрачной сорочке прошла мимо Зверобоя к окну. – Не защитник, и ладно. Мне не важно. В любом случае ты мой.

– Что?! – изумился черт под аккомпанемент нового приступа смеха аниото.

– Ты мой, – громче повторила Харикон, внимательно изучая живописный вид парка и болот за стеной. – Смирись.

– Как самочувствие? – выступил вперед Лик, придерживая за плечо растерянного и возмущенного Зверобоя.

– Неплохое, – пожала плечами птица. – Хотя это странно.

Должно быть отличное. Никакого прилива сил после отдыха не чувствую.

– Вы помните, когда, как и где уснули?

– Да. Уснула сама. Где говорить не стану. Проспала больше столетия. Что это за место?

– Поместье семьи Гуфо.

Феникс обернулась и с любопытством взглянула на бога.

– Гуфо? Что-то знакомое. Не помню, где слышала. Очередной коллекционер? – Птица вдруг нахмурилась и поджала губы. – Опять усыпальницу нашли? Да что за создания-то такие?! Ни смерти не боятся, ни пламени. Кто меня выкрал?!

Седые волосы взметнулись будто от порыва ветра и вспыхнули.

– Арно Гуфо, – мягко проговорил Лик. – Он уже казнен.

– Да?

Пламя погасло. Кукольное личико феникса приобрело обиженный вид.

– Как Вас называть? – учтиво поинтересовался Ликург, чуть приблизившись к птице.

Девушка прикусила нижнюю губу. Она часто заморгала, борясь с непрошенными слезами.

– Харикон. Что на этот раз? Выставляли на всеобщее обозрение за деньги? Или опять перепродавали на аукционах?

– Вот уроды! – искренне возмутилась Горица. Ей и в голову не могло прийти, что где-то существует жизнь более беспомощная, чем человеческая. Удивлена была не одна она.

– Тебя использовали, как батарею для системы безопасности этого дома, – прервала повисшее тягостное молчание Руся. – Поэтому ты себя чувствуешь не так хорошо, как могла бы.

Феникс повернулась к ведьме.

– Вы ищейки?

– Нет. Мы сотрудники Межмировой уголовной полиции.

– Мне нужны знания и одежда, – Харикон огляделась по сторонам, нашла стул и присела на его краешек.

Маруся сощурилась, глядя на легендарное и далеко не безобидное создание. Ожидания с реальностью не совпали. Жар-Птица оказалась самой обыкновенной раненой, испуганной девчонкой. Русе было хорошо знакомо это сочетание слов и жестов, которыми пользовалась феникс, может, даже слишком. Когда-то давно поведение дефектной дочери рода Козловых напоминало ту же смесь нахрапистости и беспомощности. Маруся взглянула на шефа. Лик поймал ее взгляд и мягко улыбнулся в ответ. Он все видел, все знал и намеревался держать под контролем.

– Думаю, моя одежда подойдет больше всего, – прошептала Мос. – Сейчас вернусь.

Руся снова сосредоточила внимание на Харикон. Та ответила агрессивным тяжелым взглядом, однако ведьму, к своему удивлению, не напугала. Напротив, полоумная вдруг приветливо улыбнулась. В первое мгновение феникс растерялась, потом пришла в себя, тряхнула головой и отвернулась.

Лик осторожно наблюдал за обеими. Не будь он знаком с Рыжиком, то решил бы, что ведьма перед ним – осмортительное умное создание, но это была Маруся, поэтому питать иллюзии он был не намерен. Его Рыжик поняла проблемы феникса только потому, что сама когда-то имела схожие. И ответную реакцию начала выдавать неосознанно, по запомнившейся схеме. Вероятнее всего, так с правнучкой поступала Береслава.

– Харикон. – Лик взял еще один стул, поставил его рядом с креслом Маруси и сел, закрыв Рыжика собой.

Феникс изобразила вежливое внимание.

– Как думаете, возможно ли что-то вспомнить? Видения или сны Вас не посещали?

Девушка замолчала и замерла. Она с готовностью обратилась внутрь себя.

– Возможно, – минут через пять она ожила. – К чему интерес? Разве не казнен виновник моего похищения?

Зверобой тихо прыснул. Надменная, избалованная, эгоистичная – ни одного положительного качества еще не обнаружила.

От Харикон реакция черта не ускользнула. Она поджала губы и исподлобья взглянула на того, кого так поспешно избрала своим мужчиной. Феникс находит одного достойного, сама сила пламени направляет ее. В общей памяти предков не хранились воспоминания об ошибках. Харикон сердито засопела, сообразив, что детали ее предшественницы уноси-

ли с собой в пепел. Теперь и не понять, как в действительности начинались отношения у других птиц. Если верить общей памяти, то избранник всегда осознавал, какой дар получает, какие возможности открываются перед ним. А этот не знал ничего!

– Система работала со здешними постояльцами. Нам хотелось бы узнать их судьбу.

Феникс перевела взгляд на бога.

– Как вас всех называть?

– Да, прошу прощения, – спохватился он. – Я Ликург. Это моя группа: Маруся, Клеомен, Горица, Иму...

Лик поочередно указывал на подчиненных.

– Со Зверобоем Вы познакомились в первую очередь. А за одеждой вышла Мосвен.

– Вы не похожи на группу Интерпола по обезвреживанию объектов.

Новые знакомые переглянулись, будто мысли друг друга были способны по одному только взгляду прочесть, да еще так же ответ дать.

– Я это узнала только что, из общей памяти. Одна из фениксов полцикла назад наблюдала, как подпольную лабораторию в Иномирье уничтожали. Там расщепили всех и заживо. Потом собрала чужие знания и записала для нас. Опасные объекты стирают с поверхности обеих планет, все источники, создавшие объект, тоже.

– Все? – Маруся выглянула из-за шефа. Она озвучила об-

щий вопрос.

– Все, – кивнула Харикон. – Я спала, и сны мои никак не связаны с реальностью. Но про детей знаю. Вижу лицо старого полукровки психолога. Он с ними тут работал. Выжил случайно. На момент облавы на крыше сидел, окрестностями любовался, успел спрятаться у крайней башни и наблюдал, как их всех поймали и уничтожили, одного за другим. Всех детей.

В комнате воцарилось тягостное молчание.

– Кто уничтожил? – Горица, как и остальные, поняла кто, но в отличие от коллег поверить в услышанное не могла.

– Вы, – дежурным тоном ответила феникс. – В смысле, ваши предшественники. Кто ж еще? Правда, дети без боя не сдались. Старик говорит, они с собой забрали в три, а то и в четыре раза больше.

Иму свистнул.

– Да, – согласился с аниото Лик. – Это объясняет движение остаточной энергии погибших.

– Но не объясняет ее идеальную сохранность, – возразил Клеомен.

Руся тоже встрепелась:

– И с девочкой неясно.

– С какой девочкой? – не поняла Харикон.

– С волчицей маленькой. Ее маниту тут бродит цельное...

Договорить Марусе не дала Мосвен. Дверь распахнулась, и кошка плавно всплыла в комнату:

– Вот это должно пойти.

Она приблизилась к фениксу и протянула ей простой набор: спортивные брюки, топ и футболка.

– Спасибо.

От Лика не ускользнула скрытая растерянность в интонации. Принимать помощь их новая знакомая не умела, хотя и произнесла слово благодарности без видимого труда. Эйдолон сощурился. Если он верно все оценил, то теперь Харикон постарается устранить охватившее ее из-за одежды беспокойство, если быть более точным, попытается дать нечто ценное взамен. И, конечно же, как-то зацепить, вероятнее всего указать на некий непрофессионализм.

– Старик говорил много лишнего для нас, но вам, полагаю, это будет интересно, кто бы вы ни были. Потому как я теперь понятия не имею, чем вы занимаетесь, если не подозреваете о реальной деятельности собственной организации, – Харикон на мгновение замерла, заметив мимолетную улыбку на лице бога, потом настороженно продолжила. – По версии официальных лиц в поместье над детьми ставили эксперименты, но дед утверждал, что ничего подобного здесь не происходило. Основной задачей была реабилитация трудных подростков после жизни в социуме. Психотерапевт, психолог, плюс правовед, математик, черт-языковед, еще работали удаленно с ребятами и были зачислены в пропавшие без вести гематолог, он же гениальный специалист по маниту, психиатр. Сам старик занимался проблемами оборотней,

хвастался какой-то уникальной работой в области исследования клинической ликантропии и врожденного гипертрихоза у людей. Подробности не описаны.

– Они жили здесь счастливо, – всхлипнула невпопад Горица. – Я имею в виду, это же очевидно! Если сложить все, что уже удалось выяснить...

Иму обнял русалку сзади и прижал к груди.

– Всеми брошенные, никому не нужные, но слишком сильные, чтобы общество могло предоставить их самим себе...

– Не накручивай себя, – сдержанно, ласково, но все же довольно сурово скомандовал леопард.

Из глубины дома донесся пронзительный крик, почти визг. Группа сорвалась с места.

– Зверобой с птицей и Марусей. Остальные за мной, – скомандовал Лик, проигнорировал недовольные выражения лиц Рыжика со Зверобоем и выбежал за дверь. Поскольку крик не прекращался, обнаружить его источник труда не составляло.

На первом этаже в законно занятых два года назад апартаментах Тварь негодовал по поводу постигшего его несчастья.

– Что здесь происходит? Где, змий задери, мои вещи?! Где отснятый материал?! Где?! Махта-а-аб! – взвыл под конец тирады Тварь. – Где эта проклятая Рудабе? Махта-а-аб!

Пери неторопливо выплыла из своих апартаментов навстречу подоспевшим Ликургу с командой. На крики непо-

средственного начальства она не обращала ровным счетом никакого внимания.

– Позвольте отблагодарить вас?

Лик остановился и внимательно оглядел женщину. Зеленоглазая, темнобровая, с густой копной темных волос, скрытых под покрывалом, плавная, теплая и тягучая, словно горячая патока, теперь, когда зрение не туманила магия аптекарей, в Махтаб ясно ощущалось маниту благороднейшего из родов. Эйдолон склонился в учтивом поклоне.

– Могу я, наконец, покинуть это место?

– Да, несомненно. Но только в сопровождении и после беседы с одним из моих сотрудников. Это не займет много времени. – Лик понимал, как должно быть эта несчастная жаждет увидеть ребенка, но существовали определенные правила, которым он не мог не следовать.

Рудабэ заметно расстроилась, но внешнее спокойствие сохранить постаралась.

– Прошу прощения за неудобства.

Пери вымученно улыбнулась.

– Нет. Это вы меня простите. Конечно, я постараюсь ответить на все интересующие вас вопросы.

Лик обернулся на Мосвен. Та поняла приказ без слов.

– Клеомен, ты тоже, – добавил бог.

– Ах, это вы тут! – пронзительный голос Твари заполнил коридор. – Куда она пошла?! Махтаб!

– Что-то произошло? – вежливо уточнил Ликург.

Водяной аж задохнулся от возмущения.

– Произошло? Произошло?! Где этот безмозглый тэнгу? Вся моя работа! Вся работа! – несчастный окончательно перешел на вой и снова скрылся в апартаментах.

– Истеричка, – недовольно пробубнил Иму, ступая в комнату вслед за шефом и Горицей.

– Останьтесь тут, – остановил их Лик. – Я сам побеседую. Думаю у него не просто стрессовое расстройство, похоже на хроническое изменение личности.

– Или он психопат, – проворчал аниото.

– Одно другое не исключает...

– Он уже через несколько месяцев стал другим, – Махтаб устроилась в кресле и улыбнулась милой семейной паре. Такие непохожие друг на друга, и такие влюбленные друг в друга. Черт и хищница. Удивительное сочетание. Махтаб, как представительнице рода Рудабе, было дано видеть потоки эмоций – тонкие, едва заметные золотые нити, пронзающие насквозь живые сердца. – Будто одержимым сделался и одновременно рассеянным. То бормотал невпопад, то смеялся, то рвался в бой, снимать, работать, монтировать и постоянно забывал о том, что произошло с нами. Спустя полгода он стал таким, каким вы его увидели. Время для него остановилось. Он больше не считал себя заключенным – просто позабыл об этом. Пытался снимать материал поверх отснятого, – пэри грустно улыбнулась. – Мы не могли ему позволить загубить проделанную работу.

– И вы спрятали пленки? – догадалась Мос.

Махтаб кивнула.

– Мы вынесли все его вещи из комнаты, отдали технику для скрытой съемки и убедили, что он попал в одну из аномалий. Все остальное доработало его безумие. Из дня в день он начинал свой обзор заново. Не остановился, даже когда одежду свою обратно получил. Он же водяной. Поселился в зарослях плакучей ивы у озера, там и обитал. Если бы не Нобуо, я бы, наверное, тоже разум потеряла. Знаете, тэнгу стойкие. Никогда не задумывалась насколько, пока сюда не попала.

– Чем вы занимались эти годы и где жили?

– Нобуо выстроил дом на болотах. Там и жили, там же дневники, записи, пленки – все наши вещи и материалы. Мы собрали архив. Следили за детьми, за Тварью, потом за вами. С удовольствием отдадим материалы, если нужны. Не хочу иметь ничего общего с этим местом.

– Нужны, – мягко улыбнулся Клеомен. – Где сейчас Нобуо?

– Я здесь, – из ванной неспеша вышел большой лис и запрыгнул на диван рядом с Махтаб. – Звали?

– Мы не сразу поверили, что защита дома больше не держит, – пери непроизвольно прижалась к зверю. – Потом вас отправились искать. Решили первым делом проверить это крыло. Система его первым открывает.

Лис внимательно дослушал Махтаб и обратился в огром-

ных размеров детину.

– Да.

Мос почувствовала себя неуютно из-за сурового раскати-стого баса. Да и размеры тэнгу впечатляли. Замкнутые отшельники, ненавидящие людей и вообще всякого, кто осмелится нарушить их покой. Неудивительно, что двухгодовая изоляция не стала для спутника пэри испытанием. Он в одиночестве мог всю жизнь прожить

Из соседнего помещения донесся новый гневный вопль Твари. Махтаб вздрогнула. Нобуо успокаивающе погладил ее по руке и с вежливой улыбкой обернулся к сотрудникам Интерпола.

– Хотите взглянуть на записи?

– Конечно, – Клеомен кивнул.

– Зверобой с птицей и Марусей. Остальные за мной, – командовал Лик.

Руся недовольно повела носом. Опять он это делает, изображает начальство суровое и не терпящее возражений.

Когда большая часть группы поспешила за шефом, в комнате воцарилась гнетущая тишина. Скрестив на груди руки, Зверобой замер напротив окна. Выражение его лица не обещало любезностей. Руся растерянно шмыгнула. За прошедшие недели успела привыкнуть, что в ее обществе черт всегда весел, слегка игрив, часто хамоват. Видеть его серьезным и сосредоточенным было странно.

Харикон пару минут сидела с тем же выражением лица, что у Зверобоя. Птица явно была напряжена, растеряна и вообще ощущала себя ужасно. Маруся это кожей чувствовала. Было нечто родное в этой девушке и до боли знакомое.

Поразмыслив, Козлова решила сосредоточить внимание на фениксе. Черт – мальчик большой, со своими бедами сам справится, а вот девочке помощь явно не помешала бы.

– А почему кожа золотом отливает? – задала Руся первый пришедший на ум вопрос.

Харикон покосилась на ведьму. Взгляд ее выражал и слабость, и высокомерие одновременно.

– Я не глупая, просто в учебниках о таком не пишут, – подсказала причину своего любопытства Руся.

Феникс моргнула раз, другой, оценивая подлинность искренности и доброжелательности в голосе ведьмы, потом неопределенно пожала плечами.

– Так мы же не хотим, чтоб писали... – Харикон смутилась. – Но в целом, это из-за строения базального слоя эпидермиса. Видоизмененные гранулы меланина, защищающие от высоких температур.

– А, – Руся понимающе кивнула.

– Конечно, вся структура эпидермиса другая. Роговой слой вот совсем отличается. Я не стораю из-за него.

– Интересно, – Козлова кашлянула. Проявлять деликатность ей было внове. Раньше не приходилось никогда, желания не возникало.

Зверобой недовольно покосился на собеседниц. Его раздражали обе: феникс просто в целом, Маруся за выбор мужчины. Нет. В самом деле. Как она могла предпочесть Лика? Эйдолон, несомненно, умен, предан, притягателен для женщин, силен, к тому же бог. Но что, змий задери, она с ее натурой станет делать рядом с этим занудой?! Зверобой подавил волну бешенства, готовую вот-вот затопить разум.

– А волосы белые почему?

– Меланина нет.

– А-а. Логично.

– У меня и феомеланинов нет. Губы вот не розовые.

Зверобой довольно громко скрипнул зубами, чем спровоцировал внимание со стороны обеих своих охраняемых.

– Что-то не так? – не стала играть в молчанку с чертом Маруся. Силы немного восстановились, и разговор давался уже легче.

– Нормально, – сдержанно процедил Зверобой.

– Ты же злишься, – продолжила настаивать ведьма.

Черт заметно смягчился:

– Когда тебя без суда и следствия постоянно обзывают «защитником», попробуй не разозлиться, – он усмехнулся.

От Харикон не ускользнул мягкий ласковый взгляд, которым Зверобой наградил собеседницу. Феникс ощутила вспышку гнева в груди, а следом и боли. Ничего похожего она еще в жизни не испытывала.

– Ты которая из ведьмовских родов? – сердито обратилась

она к Марусе. Если до этого момента женщина вызывала у феникса любопытство и симпатию, то теперь гамма чувств усложнилась. Добавились безотчетная зависть и раздражение.

– Козлова, – представилась Руся. – Хочешь, провожу в ванную?

– Хочу. – Феникс покосилась исподлобья на черта. Тот остался невозмутим.

– Пойдем, – Руся дружелюбно улыбнулась и поднялась.

Харикон прошла следом за ведьмой, подождала пока та включит и настроит воду, а затем поинтересовалась как можно холоднее.

– Ты любовница Зверобоя?

Козлова поперхнулась и непонимающе уставилась на девчонку.

– Или вечная пара? Что там у вас?

– У нас трехнедельное знакомство и рабочая дружба, – пришла в себя Маруся. Затем рассмеялась.

– Что? – Буквально вспыхнула Жар-Птица. В белых волосах заплясали языки пламени.

Козлова отрицательно покачала головой:

– Мне другой нравится.

Во-первых, утверждение не далекое от правды, во-вторых, не говорить же агрессивной, вспыльчивой, ранимой девчонке, что причина смеха – ее характер, который слишком напоминает Русе о собственной юности. Харикон потух-

ла и гордо поджала губы.

– Дальше я сама. Спасибо.

Козлова сняла с полки чистое полотенце, положила на туалетный столик, только после этого ободряюще улыбнулась Птице и вышла.

– И все-таки что не так? – на ходу она по-дружески задела плечом Зверобоя. – Злой – жуть!

Черт удивленно уставился на ведьму. Такое панибратство она себе еще не позволяла, во всяком случае, искренне. Все как-то больше спокойно принимала его попытки нарушать личное пространство. Или она просто злым его еще не видела?

– А что? Впечатляю? – он озорно сверкнул рогами.

Рыжие брови взметнулись вверх, а их хозяйка смеясь опустилась в кресло.

– Не делай так. Ты похож на пери в мужских клубах. Они когда на сцене чертей неприлично раздетых изображают, используют эти иномирные игрушки светящиеся в виде рогов.

– Неприлично раздетых? – уточнил Зверобой.

– Это все, что ты услышал?

– Нет. Что у тебя с Ликургом?

От веселья она мгновенно перешла к растерянному молчанию.

– Он к тебе пристаёт?

Полные губы приоткрылись от удивления, а щеки порозовели.

– Ну? – Зверобой отступать не собирался.

Веснушчатый нос чуть сморщился от досады.

– А почему ты спрашиваешь?

– Да потому что его интерес и внимание очевидны. Если тебе это доставляет неудобства, то всегда можно получить защиту и запрет без негативных последствий для тебя или для него.

– Я знаю, – кивнула Маруся. Этот пункт в договоре был. Интерпол защиту прав женщин-сотрудниц считал одной из приоритетных задач. Она задумчиво погрызла нижнюю губу. В памяти всплыли его поцелуи и нежные прикосновения, и это «Рыжик», а еще его поведение в Пустошах и по дороге сюда. «У меня это насовсем». Сделать так, чтоб все исчезло?

– У вас взаимно, – констатировал разочарованно Зверобой. И снова разозлился. – Тогда в Пустошах, да? Что там произошло? Он с этим «Рыжиком» оттуда пришел.

Последние реплики черт произнес прежде, чем успел оценить, как они прозвучат. Когда Маруся подняла на него открытый удивленный взгляд, Зверобой пробормотал беззвучно проклятие в свой же адрес.

– Ладно. Забудь. Что там с этой хамкой?

– Купается, – откликнулась тихо Руся.

– Есть вероятность, что потонет?

Ведьма отрицательно покачала головой. Зверобой вздохнул, отошел к стене, оперся на нее и опять замер.

– Не обижай ее, – неожиданно прошептала Маруся, одно-

временно прислушиваясь к возобновившимся крикам снизу и к Шуту. Безумец уже не просто болтался за плечом Ли́ка, он стал частью объединяющей их с шефом энергии, транспортным каналом, а значит служил чистым зеркалом общего состояния бога. — Я когда-то такая же была. Со стороны кажется сильной и независимой, на деле одинокая, и ей страшно.

Черт начал нервно бить хвостом.

— Думаю там, в капсуле, ее маниту пострадало сильнее, чем она показывает, и соответственно нервная система тоже. Возможно, поэтому за тебя так зацепилась. Уж больно необдуманное и порывистое решение обозначить пару. Знаешь, я тоже когда-то поспешно цеплялась за парней, которые были ко мне добры. Плюс ее эмоциональный возраст — она совсем юная. Неплохо бы выяснить, сколько в общей сложности лет бодрствовала от рождения. Все фениксы одиноки, а наша еще и без убежища. Некуда и не к кому ей идти.

— Замечательно, — недовольно, но мягко, пробормотал на грани слышимости черт. — Влюбленной малолетней дурочки мне не хватало в жизни.

— Так уж и влюбленной, — улыбнулась Руся. — Просто упрямой. И далеко не дурочки.

Из ванной комнаты донесся грохот и ругань. Зверобой в мгновение сорвался с места и, выбив дверь, вбежал внутрь. Феникс взвизгнула и постаралась спрятаться за полупрозрачной ширмой душевой кабины. Будучи напуганной и об-

наженной она воспринималась именно так, как описала ее Маруся, – наблюдение от Зверобоя не ускользнуло. Маленькая беспомощная вредная девчонка.

– Чего громыхаешь и орешь? – не стал церемониться черт.

– Я упала. – Она сердито поджала губы и шмыгнула. – Уходи!

Зверобой на всякий случай огляделся, прислушался к внутреннему пламени и только потом вышел обратно в комнату.

– Она не ударилась? – Маруся обеспокоено хмурилась.

– Чтоб вас! – черт развернулся на сто восемьдесят градусов и снова распахнул дверь, которую было прикрыл за собой. Харикон опять взвизгнула и попыталась скрыться за ширмой.

– Что?!

– Ты не ударилась?

– Нет!

Ее возмущение выглядело забавно. Костлявая и забавная, как маленький зверек. Зверобой оценивающе оглядел девушку с ног головы. Видно, конечно, ему было только мутные очертания, но пошутить захотелось.

– Чего ты все пищишь и прячешься. Как будто есть там, что прятать. Не лъсти себе!

Дверь он закрывал с довольной ухмылкой и под аккомпанемент проклятий, которые сыпались на его голову одно за другим.

– Непривычно, – улыбнулась Руся.

– Что именно? – не понял черт.

Козлова лукаво сощурилась:

– Шутишь? Понимаешь, каково слышать сабейский язык живую? Насколько я помню, после кончины Хавбас активных носителей не осталось, и его включили в список мертвых.

Зверобой махнул рукой.

– Стараниями уродов из независимой ассоциации лингвистов. Объединение «Мы и Они» в данном случае битву проиграло. Кажется, только черти в этом мире учитывают права неактивных носителей.

– Носителей чего? – вмешалась в разговор вошедшая Горица.

Маруся обрадовалась.

– Привет! Что там?

– Там? Тварь там!

Зверобой рассмеялся.

– На самом деле, печально, – поморщилась берегиня. – Он совсем не в себе, буйный, к тому же. Лик с ним разбирается. Иму помогает. Мос и Клеомен работают с пери и тэнгу. А меня сюда сослали. Ты как? Не отдохнула еще? Пыль собирать, наверное, лучше побыстрее.

Руся нахмурилась и прислушалась к себе.

– Ну, вроде, да... Угроз нет. Спускаться в подвал все равно не понадобится. Давай сходим.

Ведьма поднялась.

– Секунду. Лик в курсе?

Горица ласково улыбнулась Зверобою.

– Само собой!..

– А если честно? – прошептала Руся, когда они вдвоем с русалкой миновали коридор и вышли к лестнице.

– Ну, как бы и да, и нет, – протянула берегиня, чем спровоцировала искренний смешок собеседницы. – Реплику я сказала, но не уверена, что он ее услышал.

– Так Иму же слухастый.

– Не в тот момент. Его Тварь как раз за плечо кусал и визжал аккурат в ухо, – Горица замерла и подняла на мгновение вверх указательный палец. – Слышишь?

Руся прислушалась. Снизу и правда доносились вопли, но доносились они уже с улицы.

– Вывели, – резюмировала берегиня. – Пошли.

– И куда его теперь?

Горица пожала плечами.

– Слушай, это ты у меня плохому научилась или всегда в душе такая была? – улыбнулась ведьма.

– Да похоже, что всегда. Вот скажи, какая нормальная водная дева полюбит человекоядного хищника? Вот какая?! Ты хоть раз о таком слышала?

Руся рассмеялась.

– И, понимаешь, у меня от него просто ум за разум заходит! Не представляешь, какое это блаженство слушать, как

он мурчит! Я смотрю на него и понимаю, что он такой теплый весь, домашний, прям ути-пути, ми-ми-ми... Так хочется прижаться, потискать, зацеловать. Это его-то! – Горица ушла в возмущенный визг. – Полюбила маньяка и наслаждаюсь!

Русалка немного помолчала.

– Я даже поделиться, кроме тебя, ни с кем не могу. Потому что только ты из всех моих родных и друзей спокойно к такой связи относишься. Вот как я его маме покажу? Она меня от родного водоема отлучит.

– Не отлучит, – Руся приобняла Горицу. – Он хороший. Ты хоть раз видела, чтоб Иму человека ел?

Русалка шмыгнула.

– Не-ет.

– В Интерпол просто так сотрудников принимают?

– Не-ет.

– Значит, у мамы не будет никаких аргументов.

Руся присела рядом с лестницей в подвал, закрыла глаза, сосредоточилась и запела. Петь пришлось громче обычного. Когда последняя крупинка скрылась в мешке, ведьма кряхтя поднялась.

– Он меня все время дразнит. Нарочно.

– Бабуля говорит, если мужик дразнит, значит, мужик страстный. Так что расслабься и получай удовольствие. Вы же с ним еще не того этого?

Горица возмущенно засопела.

– Конечно, нет!

– Ну вот. Сама довела. Не может получить обычный секс, получает какой попало. И как попало.

Берегиня озадаченно уставилась на Русю, а Руся в свою очередь на берегиню. Так с полминуты они в переглядки играли, пока обе одновременно к окну не повернулись. Там, в глубине зеленой аллеи, мелькнула тень, затем еще одна и еще. Вскоре напротив окна выстроилась вереница дымчатых образов. Нерассеянное маниту сразу шести созданий и все оборотни. Во главе группы встала знакомая маленькая волчица. Она жестом попросила берегиню и ведьму выйти к ним.

– Это шелки? – прошептала Горица.

– Справа от волчицы? Да.

Маруся внимательно оглядела окно на предмет возможности его открыть.

– Никогда их раньше не видела.

Растерянный шепот Гор ведьма проигнорировала, ей удалось найти запоры на фрамуге. Чуть надавив, Руся распахнула створки.

– Парить умеешь? – спросила она у спутницы.

– Предлагаешь к ним идти вдвоем?

– Берегиня и сильнейшая из Козловых. Серьезно считаешь за угрозу шестерых мертвых детей?

– Да при чем тут дети? – прошипела русалка. – У нас начальство есть. А у некоторых еще и проблемный леопард.

– С начальством я договорюсь, а леопарда ты поцелуешь. Если не прокатит, грудь покажешь – он залипнет. Пошли, – Руся ухватила Горицу за запястье и потянула за собой. Сначала они взлетели над полом, затем переплыли через подоконник и плавно спустились на землю под окном.

Волчица приблизилась.

– Вы узнали?

Руся кивнула.

– Весь свет знает Арно, как сумасшедшего мага, едва ли не олицетворение сущего зла. Но для нас он был спасителем, учителем, философом, художником. Он не учил нас жестокости, он учил нас свободе, гармонии и миру. Отыщите каждую могилу, загляните в нашу память. Пусть правда станет известна, – волчица сделала еще шаг навстречу и заглянула в глаза Марусе. – Ты понимаешь.

– Ты здесь, под ногами. Они там, за аллеей и забором. Верно? – тихо спросила Руся.

Девушка кивнула.

– А сосуды?

– Они в нас всех, даровали нам возможность существовать в ожидании мести лжецам.

– Ну? У кого какие мысли? – Лик плечом опирался на силовой барьер на веранде главного корпуса МУП и задумчиво созерцал вид города, освещенного последними алыми лучами уплывающего за горизонт желтого карлика.

– Ярослав темнит. Мне не понравились его пространные замечания по поводу будущего группы. Что за «переквалификация»? Что это вообще может значить? – мгновенно отреагировал Зверобой. – И почему не отправить эту горячую девчонку в один из охраняемых объектов Интерпола? Почему ее обязательно у меня селить?

– Она у меня отказалась

– У меня тоже.

Мосвен и Горица вступили в диалог одновременно.

– Потому что по заключению Харикон – не свидетель, нуждающийся в защите, но по делу проходит в качестве источника энергии, а значит, отпустить ее на все четыре стороны мы пока не можем, – Лик устало помассировал переносицу. – Она сама тебя выбрала.

– Нам не нравится один момент в истории пэри и тэнгу, – не дала Зверобою дальше возмущаться Мос. – Они утверждают, что в крыло их привело стремление отыскать нас. Но аргументы слабые. Плюс тэнгу не сразу к нам вышел. Что-то иное их влекло, причем это едва ли не очевидно.

– Интересно, – кивнул Ликург. – Что-нибудь еще?

– Дети не солгали, – голос Горицы звучал тихо и печально. – Двадцать три могилы физически и психически здоровых юных существ. Они жили счастливо и погибли, сражаясь в неравном бою.

– Поэтично убийство описала, – усмехнулся печально Зверобой.

– Где документацию искать будем? – Иму обнял расчувствовавшуюся Горицу и прижал к груди.

– Предоставим это Ярославу. Все?

После минутного молчания Лик кивнул и оторвался от ба-
рьерра.

– Все молодцы. Все свободны. У вас пять нерабочих дней. Развлекайтесь.

С этими словами он развернулся и направился к выходу. На сегодня у него еще оставались планы. И планы к службе отношения не имели, они были связаны с одной рыжей ведьмой, которую он отправил отдыхать домой сразу по возвращении из поместья Гуфо.

Путь до машины, а потом до квартиры Козловой показался Лику бесконечно долгим. В спешке он позволил себе нарушить несколько правил дорожного движения. Последние сутки должностные обязанности вынудили его целиком погрузиться в работу. Времени хватало лишь на еду, на сон выделил себе пару часов в кабинете на диване, пока шло экстренное совещание руководства МУП. И все это время он скучал. Безумно скучал по ее глазам, улыбке, привычке морщить нос, по мимике, веснушкам и рыжей шевелюре. То и дело, общаясь с коллегами, Лик ловил себя на мысли «что сказала бы или сделала Маруся». Шут за спиной не дергался и не пытался скинуть оковы, он вообще больше не имел четкой оболочки, зато теперь Безумец давал возможность богу всегда чувствовать свою ведьму.

Лик припарковался, вышел из машины и запрокинул голову, глядя на единственное окно ее квартиры, выходящее на автомобильную стоянку. Балкон и остальные два окна смотрели в сторону исторического центра. Рыжик была совсем близко. От этой мысли Ликургу стало сложнее контролировать волнение, а ведь еще предстояло пообщаться с Береславой. Старая ведьма жила у внучки.

Глубоко вздохнув, Эйдолон решительно зашагал к дому. Когда на тихий стук никто не откликнулся, Лик не на шутку испугался. И хотя Шут уверял, что хозяйка спит, богу требовалось убедиться лично. Скинув опостылевшую маску, он прибегнул к естественной своей способности, к той же, что позволила Дингиру однажды проникнуть на ее балкон.

Береславы дома не было, а Рыжик безмятежно спала. Одинокая фигурка, освещенная лунным светом, на большой двуспальной кровати. Лик улыбнулся, вспомнив, чего стоило эту кровать сюда поднять. Волнистые волосы темным нимбом окружали голову, изгибы тела легко угадывались под тонким покрывалом.

Стараясь ступать как можно тише, он приблизился, осторожно забрался на кровать рядом с ней и замер. Разум, измощенной усталостью и болезненной тоской по избранной, отказывался работать должным образом. Ей нужно было отдохнуть, набраться сил – Лик понимал это, но остановить себя не мог. Завораживающее, бесконечно соблазнительное, древнее полотно Асгарда, она манила и сводила с ума. Со-

всем одна и так близко. Оглядевшись, словно вор, Лик начал складывать простые и эффективные заговоры.

Для начала Рыжик лишилась своего детского ночного костюма. В его фантазиях она представляла в чем угодно, но не в этом. Затем бог избавился от ее белья, лишь после сменил покрывало на легкое облегающее прозрачное платье. И сам же поразился той перемене, что произошла. Какими бы восхитительными не были образы в его мечтах, они уступали реальности.

Веснушчатый нос чуть сморщился, она вздохнула и потянулась во сне. Платье натянулось, еще больше обрисовав очертания груди и бедер. Лик вдруг до отчаяния возжелал навлечь на нее грезы, безнаказанно ласкать ее, сводя все в сновидение. Это было так свойственно мужчинам его рода и так претило ему самому, но с ней, с Марусей, он не задумываясь повел бы себя именно так, если бы магия аптекарей позволила.

Разочарованный в себе и неудовлетворенный Ликург двинулся еще ближе, склонился над Русей и беззвучно прошептал новое желание. Лямки платья сползли с плеч, обнажив грудь, а подол начал медленно подниматься, открывая бедра и низ живота. Рыжик что-то невнятно пробормотала сквозь сон. Застигнутый врасплох, Лик замер, но быстро пришел в себя. Она не пробудилась.

Медленно, едва не касаясь теплой кожи, он провел ладонью над изгибами ее тела. Пальцы чуть подрагивали от вол-

нения и едва сдерживаемого желания. Он прекрасно осознавал, что ведет себя недостойно, но остановиться не мог, не хотел. Руся хрипло выдохнула и выгнулась, заставив бога на мгновение потерять ориентацию в пространстве. Рыжик не нуждалась в грезах, она сама почувствовала сквозь сон то, чего он так жаждал.

Осмелев окончательно, Ликург вытянулся рядом, приподнялся на локте и коснулся кончиками пальцев приоткрытых губ. Она вздохнула и случайно, едва ощутимо прикусила зубами указательный палец. Теперь он потерял всякую связь с реальностью. Как в бреду, дрожащей рукой он накрыл обнаженную грудь и замер, когда Рыжик подалась навстречу. Чуть надавил и повел ладонь вниз, к животу, проник пальцами между ног. Тихий прерывистый стон отрезвил бога.

Сердитый, он вернул на место белье, покрывало и пижаму Маруси, откинулся рядом на подушку и уставился в темный потолок. Да, он мечтал о ней, любил, сходил с ума. А она? Кого она сейчас во сне представляла? Того же, кого видела в грезах тогда ночью в кабинете?

От расстройства Руся едва не выдала себя. Как можно было зайти так далеко и остановиться тогда, когда она уже не хотела, чтобы он останавливался? Тело ломило и горело. Казалось, кровь вот-вот закипит. Она все еще чувствовала его прикосновения. Или он думает, она всем позволяет себя вот так раздевать и ласкать?

Недолго думая, Руся вытянулась, ощущая желание каж-

дой клеточкой своего тела, и простонала:

– Ли-ик.

Яростное сопение рядом прекратилось. Он, кажется, вообще дышать перестал, но только на секунду. Руся ощутила, как прогнулся матрас, и он вновь оказался совсем близко. Она чуть запрокинула голову, приподняв грудь и издав долгий хриплый выдох.

Лик смотрел на нее, и пытался одновременно справиться с маниту, стремящимся слиться с силой Рыжика, и со страстью, сжигающей тело изнутри. То, что для него было реальностью, для нее было сном. Он мог лишь дарить ей ласку и играть с собственной фантазией, а фантазия рисовала ему немало вариантов, далеко не невинных вариантов.

Несколько наговоров – и Руся оказалась в облегающем купальнике из грубой крупной льняной сети. Она почувствовала, как нити сдавили грудь, как врезались между ног. Ощущения получились приятными и невероятно острыми. Она поерзала и выгнулась, заставив новый предмет одежды двигаться. Дыхание сбилось, разум отключился. Сквозь дымку наслаждения она различила тихий болезненный стон Ликурга. Он не касался, только наблюдал, и от этой мысли Руся задохнулась.

С трудом сдерживая эмоции, Лик сделал купальник еще немного уже, а затем, когда Рыжик начала плавно, размеренно двигаться, доводя себя до оргазма, он навис над ней и осторожно заставил раздвинуть ноги. Он не мог участво-

вать, но мог наблюдать. Никогда еще женщина не вынуждала его вести себя так, никогда он, бог, еще не довольствовался малым. Лик получал безграничное наслаждение, всего лишь наблюдая, как лен соприкасается с влажной нежной кожей. Разве не безумие?

– Ведьма, – тихо простонал он, когда Маруся успокоилась. «Ведьма» удовлетворенно улыбнулась во сне. Лик беззвучно рассмеялся, вернул ее одежду на место и устроился рядом. Теперь она превратилась в теплый, нежный, мягкий комочек. Повернулась к нему лицом, свернулась в клубок под боком и затихла.

История одиннадцатая

Сын Матери-Природы

Невыносимо жестокие твари. Порой у меня волосы начинают шевелиться, когда читаю историю этого мира. Впрочем, нас, людей, в этом плане созданиям не перецеголят. Причиной почти любой агрессии выступает особенность вида того или иного существа. Скажем, съели кого-то? Наверняка, оборотень. До смерти или полусмерти избили? Ищи половинчатого. Ограбили музей, взяли одну ценность, остальные случайно покололи или опять же случайно покалечили охрану? Хобгоблин с бандой. Обнаружили жертву эксперимента? Скорее всего, дело рук ведьмака или ведьмы. Эксперимент носит масштабы катастрофы? Виноват

древний род, вроде Атума.

То ли дело на Земле. Войны, голод, кровь – карусель, уходящая в бесконечность. Для злобы людям годится любой предлог. Не понравилось слово, книга или фильм? Не смог доказать свою точку зрения? Непривычен внешний вид прохожего? Он или она постарается уничтожить любую причину беспокойства, даже если мнимой причиной окажется невинный или слабый. Слишком часто людям не нужен суд, не нужно следствие. Потребность одна – линчевать и как можно быстрее. Можно еще равнодушно пройти мимо казни... Быть может, это все тоже особенности вида, только нашего?

Из личных записей Константина Ивченко.

Она бежала, спотыкалась, падала, поднималась и снова бежала. Тело покрывали синяки, ссадины и раны. Рваная грязная сорочка пропиталась кровью. Волчица не обращала внимания на боль и промозглый туманный холод ночного леса. Ею двигало одно единственное желание – спастись любой ценой. Чуткий звериный слух подсказывал направление.

Руся залюбовалась этим тощим, длинным, угловатым юношей. Ликург был Эйдолоном, но так отличался от них. Ее переполняли тоска и нежность. Перламутровые глаза светились, губы упрямо сжимались, он не собирался сдаваться на милость обстоятельств ни тогда, ни теперь. Умный, вни-

мательный, сильный, добрый, немного высокомерный и конечно же чересчур самоуверенный. Маруся усмехнулась, выплыла из сна и потянулась. Одиноким и упрямым – она, наконец, решила эту головоломку, такую простую для других и такую сложную для нее. Эмоции и чуткость никогда не были сильной стороной Руси. С самого детства она недопонимала, терялась, забывала, в ее голове будто пытались ужиться множество личностей, которые на самом деле и личностями-то не были. Если одна ее часть хотела мужчину, то вторая – брезговала, третья – паниковала, четвертая вообще не понимала, зачем мужчины в жизни нужны, – пятая вспоминала весь предыдущий неудачный опыт общения с противоположным полом. И так всегда и во всем. Баба Беря выступала неизменным ориентиром в жизни внучки, если не сама она помогала сделать Русе выбор, то ее мудрые слова, которые ведьма хранила в памяти, как культовые тексты. Но в последние дни неожиданно стало ощутимо легче понимать окружающих. Настолько неожиданно, что Маруся не сразу это осознала. Мысли уже не путались, желания не вызывали привычного расслоения личности. После того памятного сражения над усыпальницей Азазеля хаос, которым всегда была переполнена ее личность, будто отступил. Теперь она приобрела возможность анализировать, делать выводы и даже выстраивать предположения.

Руся протяжно вздохнула, потянулась, развернулась на бок, открыла глаза и тихо вскрикнула. Лик лежал рядом и

молча пристально наблюдал за ней.

– Внуча? – раздался из гостиной обеспокоенный голос Береславы. – У тебя все хорошо? – Голос старой ведьмы приближался.

Не особо разбираясь, почему она это делает, Руся вскочила, с грохотом столкнула слегка удивленного, но не оказывающего сопротивления шефа с кровати и затолкала его под кровать.

Дверь распахнулась и в комнату вошла Береслава.

– Внуча?

– Я упала, – Маруся вытянулась по стойке смирно перед бабушкой. – Во сне. С кровати.

– Да? – Беря подозрительно оглядела сначала внучку, потом комнату. – Какой-то слабенький бог. Я надеялась, он Шута покрепче держит.

Из-под кровати донесся глухой удар.

– Соседи! – едва ли не взвизгнула Руся. – Напугали во сне. Опять стучат.

– Нда? Ну, ладно. Умывайся и пойдем блинами накормлю.

Береслава вышла из комнаты, но прежде, чем закрыть за собой дверь, добавила:

– Сосед тоже пусть из-под кровати выбирается. И его блинами накормлю.

Руся пробормотала проклятие, закрыла лицо руками и бухнулась на кровать. Глухо бормоча на мертвом языке заговор против ведьминого слова, Ликург выбрался.

– На штраф нарываешься, госпожа Козлова?

Руся всхлипнула и забралась с головой под одеяло, насмешив бога. Он сел на матрас рядом с ней.

– Рыжик, тебе все же придется со мной поговорить и в себе разобраться придется. – Он подвинул ее и вытянулся рядом. – Сначала ты не замечаешь меня, будто и не бог я во все, будто человек какой слабенький, неприметный, игнорируешь приказы, заботишься, будто сам я о себе позаботиться не в состоянии...

– Когда это? – пробормотала она из-под одеяла.

– Зелье от похмелья.

– Ых.

Лик снова рассмеялся.

– Смотришь то, как на врага, то, как на друга, то беспомощно и испуганно, словно я единственный, кто способен тебя спасти. Скажи, как мужчине выдержать такие перепады? Как можно быть такой сильной и такой слабой, умной и глупой одновременно?

– Я не глупая! – она откинула одеяло и сверкнула сердитым взглядом.

– Что и требовалось доказать, – Лик повернулся на бок. – Только что пряталась от меня и вот уже злишься. Потом ты спокойно принимаешь мое безумие в Пустошах и вдруг начинаешь доверять безоговорочно до такой степени, что подразумеваешь, будто я должен знать ход твоих мыслей. И опять заботишься. – Он чуть помолчал. – И целуешь, ласка-

ешь так, что у меня больше не остается ни одного шанса не любить тебя.

На последних словах Руся заметно смутилась, глаза спрятала и чуть покраснела.

– И всегда отталкиваешь. Каждый раз. Пожалуйста, не играй со мной.

Лик сдержал улыбку. Нельзя сказать, что произносил неискренние слова. Все, что он описал, он действительно чувствовал. Неискренним было то, как он это сказал и когда – все выверено и вовремя. На деле говорить он сейчас вообще не хотел, хотел прижаться к ней и зайти так далеко, как не позволил себе ночью, но, как заведено, Рыжик сменила лик. Из страстной, открытой женщины она перевоплотилась в застенчивую испуганную равнодушную девчонку. Одна бессознательно манит его и отдается, вторая боится и отталкивает. Лику вдруг снова захотелось покалечить ее родню и тех мужчин, с которыми она имела несчастье связаться в прошлом. Сколь глубокими и многочисленными должны быть раны, чтобы этот живой, любопытный рыжий нос так сопротивлялся любви?

Лик поднял руку и прикоснулся к ее волосам.

– Хочешь, уйду?

Она прикусила губу.

– Это да или нет?

На этот раз она едва уловимо отрицательно покачала головой. Удержаться от счастливой улыбки Лик не сумел. Да

и как, когда сознание переполняли тысячи самых потрясающих эмоций? Задай он вопрос чуть раньше, из страха и упрямства она дала бы иной ответ, но не теперь. Расчет удался.

– В верности и чести клянусь моей любви, – тихо проговорил он на древнем языке рода Эйдолон.

Рыжик вскинула голову и с подозрением уставилась на Лика.

– Нет, я никакой другой женщине этого не говорил, – с насмешливой улыбкой ответил он на красноречивый взгляд. – А вот ты, похоже, уже структуру родовой клятвы слышала.

Она снова смутилась.

– Ну, конечно! – разочарованно зло прошипел Лик и поднялся. Вдруг расхотелось быть терпеливым и понимающим. Он почти вымаливает у нее внимание, произносит древний заговор, связывающий маниту, не ожидая того же взамен, а она? – Мог бы догадаться! И кто тебе клялся? Котик твой?

Удержаться от язвительного тона он тоже не сумел.

Маруся сначала растерялась от столь явной вспышки ярости, потом заулыбалась. Что бы там себе не думало начальство, она уже не была той невнимательной, рассеянной Марусей. Раньше она бы не обратила внимания на столь явный приступ ревности, но не теперь. На душе сделалось потрясающе легко, словно крылья за спиной выросли, захотелось смеяться и обнимать сердитого и, оказывается, такого беспомощного перед ней бога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.